

POCCИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ RUSSIAN ACADEMI OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

OOO «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ» RPA «RESEARCH-AND-PRODUCTION ASSOCIATION «NORTHERN ARCHAEOLOGY»

AHO «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА» ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

СЛУЖБА ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

STATE PROTECTION SERVICE FOR THE CULTURAL HERITAGE OBJECTS OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG

RUSSIAN ACADEMI OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

RPA «RESEARCH-AND-PRODUCTION ASSOCIATION «NORTHERN ARCHAEOLOGY»

STATE PROTECTION SERVICE FOR THE CULTURAL HERITAGE OBJECTS OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG

Oleg V. Kardash

Hillfort of sikhirtya of the Nakhodka Bight

The first research results

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

СЛУЖБА ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

О. В. Кардаш

Городок сихиртя в Бухте Находка

первые результаты исследования

УДК 902(571.122) ББК 63.4(251-6) В42

Кардаш О. В.

Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования) [Текст] / О. В. Кардаш. – Нефтеюганск : АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург : издательство АМБ, 2011. – 60 с. : ил. – Текст и выходные сведения парал. рус. англ.

ISBN 978-5-8057-0783-5

Ответственный редактор чл.-корр. РАН Е. Н. Носов

Рецензенты:

д. и. н. В. А. Лапшин, д. и. н. А. В. Курбатов, д. и. н. Н. В. Хвощинская

Монография обсуждалась на секторе славяно-финской археологии (ИИМК РАН) и рекомендована к изданию Ученым советом Института истории материальной культуры РАН.

Руководитель издательского проекта к. и. н. О. В. Кардаш

Общественный редактор Е. В. Дубкова

Комплексные исследования городища Бухта Находка 2006–2008 гг. осуществлялись за счет средств ООО «НПО «Северная археология» и администрации Ямало-Ненецкого автономного округа.

Издание подготовлено по заказу службы по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа в целях популяризации объектов культурного наследия автономного округа.

Издание профинансировано службой по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа в рамках окружной долгосрочной целевой программы «Сохранение объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа на 2009–2011 годы».

В42 Издание посвящено первым результатам комплексных исследований одного из уникальных памятников древней истории и традиционной культуры народов севера Западной Сибири, получившего название по месту нахождения – «Бухта Находка». В книге представлены сведения об истории выявления и изучения этого городища. Кроме того издание содержит результаты научного анализа материалов полевых исследований памятника. Это данные по реконструкции архитектуры, хозяйства, торгово-меновых отношений жителей, результаты палеоэкологических исследований по определению времени существования городка (XII – нач. XIV вв.).

Издание адресовано историкам, этнологам, археологам и тем, кому интересно культурное наследие древних народов Крайнего Севера.

ISBN 978-5-8057-0783-5

- © Кардаш О. В., 2011
- © Служба по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа, 2011
- © АНО «Институт археологии Севера», 2011
- © Горбунова М. Б., оформление, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2006 году на восточном побережье полуострова Ямал в Бухте Находка были начаты комплексные стационарные исследования средневекового городища. 45 лет назад, в момент его открытия, памятник находился на территории поселка, также носившего название Бухта Находка, населенного ненцами – рыболовами и оленеводами. Ныне стоящие в чумах по берегам бухты ненцы рассказали нам, что эта сопка в давнем прошлом была местом жительства сихиртя. Подобные рассказы зафиксировал и первооткрыватель памятника – Л. П. Лашук.

В современном научном и общественном обороте, с учетом этнографических данных, сложилось полумифологическое представление о древнем арктическом народе сихиртя. Преимущественно оно основано на информации, полученной из уст жителей Крайнего Севера. По рассказам ямальских ненцев, когда-то сихиртя (сиртя, сииртя) жили на земле и охотились на диких оленей, но по воле бога Ца их чумы превратились в песчаные сопки, а сихиртя стали жителями подземелья. Они маленькие, светлоглазые (белоглазые) и на поверхность тундры выходят по ночам или в туман, а от взгляда на солнце умирают. Сихиртя пасут «земляных оленей» (мамонтов), рыбачат в маленьких лодочках на маленьких речках, ездят на собаках и слывут кузнецами-колдунами. Используя собачьи сухожилия в качестве ниток, они шьют одежду и украшают ее металлическими подвесками, иногда одаривают людей металлическими изделиями, и подземные жилища сихиртя блестят от обилия металлических вещей. Дверью в жилище сихиртя обычно служит торчащий из земли «рог» (бивень мамонта). Они обладают шаманской способностью становиться невидимыми и благодаря этому избегают столкновений с ненцами. В быличках упоминается о браках ненцев и сихиртя, и некоторые ненцы считаются потомками сихиртя. Иногда можно увидеть сихиртя, но являются они только тому, кого ждет счастливая жизнь [9. С. 320-321]. Такой многогранный фольклорный образ, сочетающий исторические и мифологические характеристики, позволяет предполагать реальное существование в тундровых пространствах Северо-Западной Сибири некоего народа сихиртя, предшествовавшего заселению этой территории оленеводами-кочевниками ненцами.

Сиртя -«делающий дыру», или сихирцъ - «избегающий, имеющий землистый цвет лица», - так переводят это название многие ненцы. Учитывая этимологическую версию Л. В. Хомич, а также саамские языковые параллели, слово «сихиртя» современными этнологами трактуется в том числе и как «дух предков» и считается названием древнего субарктического этноса - древнесамодийским понятием, бытовавшим в этническом пространстве между Ямалом и Белым морем, откуда происходят саамы и ненцы. Некой параллелью сихиртя считается упоминаемая в северорусских преданиях ушедшая под землю «белоглазая чудь». К востоку от среды обитания русских поморов и ненцев, то есть на севере Восточной Сибири, у энцев и нганасан собственного образа сихиртя или подобного древнего народа этнографами не зафиксировано [9. С. 320-321; 75. С. 184, 321-322; 92. С. 66-67; 76. С. 63-64; 77. С. 58]. Последнее обстоятельство делает уникальной и крайне значимой любую вербальную информацию и материальные свидетельства о сихиртя - древних аборигенах субарктики, населявших ее до прихода русских, финских и самодийских народов.

Городище Бухта Находка открыто в 1961 году этнографической экспедицией МГУ под руководством Л. П. Лашука, выявившей комплекс археологических объектов разных эпох, расположенных по берегам бухты, рядом с поселком. Сначала памятник был назван культовым местом (святилищем). Жители пос. Бухта Находка почитали его как «сопку сиртя» – жилище древних обитателей тундры.

Результаты экспедиционных исследований опубликованы Л. П. Лашуком в статье 1968 года. Один из ее разделов

Рис. 1. Карта-схема расположения городища Бухта Находка на территории России

Рис. 2. Обзорная карта местонахождения городища Бухта Находка на территории Нижнего Приобья

посвящен исследованию памятника и содержит достаточно подробное описание предметов, собранных исследователем. Это описание очень ценно для последующей целостной характеристики вещевого комплекса городища:

«В поисках следов сиртя наше внимание на восточном побережье Ямала привлекала Бухта Находка, где с давних пор кочующие ненцы занимались весенним морским промыслом. В конце 1950-х годов на возвышенном берегу при впадении в бухту тундровой речки Харде-яха возникла оседлая база колхоза «Красный рыбак».

На северо-восточной окраине поселка на сопке Хардеседе («имеющая жилье сопка») нами было обнаружено заброшенное «священное» место, с которым связано представление о сиртя. Многие местные жители всерьез рассказывают, что в этой сопке некогда скрывались диковинные маленькие люди, но уже давно они «ушли» в другую, более удаленную сопку, оставив на прежнем месте только «сядеев» – изображения богов и различные вещи. Старухи и сейчас не разрешают детям бегать по сопке: «Вытопчете, мол, сядеев, а это – грех». По другой версии, внутри сопки спрятан «богатый товар» погибшего купца, но никому этот клад не дается в руки. Само название сопки указывает, что на ней когда-то было не только жертвенное место, но и жилье.

Она не столь высока (от подошвы до вершины немногим более 3 м), культурный слой, начинающийся от глубины 1,5 м, выражен отчетливо: в его основе залегает серопесчаный горизонт, на одном участке с горелыми прослойками, выше более чем на 0,5 м – торфяная подушка. Слой вечной мерзлоты начинается на глубине всего несколько десятков сантиметров. Поэтому большинство предполагаемых остатков материальной культуры находится именно в мерзлоте, преодолеть которую нам при зачистке не удалось. Вместе с тем мерзлота способствовала сохранению многих деревянных предметов, кожи, бересты, кости.

Харде-седе в верхних слоях – типичное жертвенное место, на котором принадлежности культа накапливались

в течение долгого времени, и к тому же слои перемешаны недавними кладоискательскими поисками. Все это чрезвычайно затрудняет четкую стратиграфию слоев и их относительную датировку. Однако ясно, что это капище в позднюю пору было связано с промысловым культом, о чем, например, свидетельствуют массовые скопления костей северного оленя, песца, тюленя, крупных рыб, кусок обработанной кожи морского животного и т. д.

Среди находок в верхнем торфяном слое наряду с костями промысловых животных и костяными поделками обильно представлены деревянные предметы: масса оструганных, заостренных с зарубками палок, носок лыжи, сломанное древко простого лука, дощечки с круглыми и квадратными отверстиями, плоские личины богов с прорезанными «глазами» и «ртом», деревянные сосуды и ложки, модели гарпунов (в одном случае воспроизводится железный гарпун – «носок», в другом – более сложный костяной),

Рис. 3. Ситуационная карта-схема местонахождения городища Бухта Находка на восточном побережье п-ва Ямал

модели каких-то киркообразных орудий, обыкновенного ножа, иглы для вязания сетей. Обнаружены также остатки круглого сосуда, сшитого из бересты.

Законченные изделия из кости представлены трехлопастным наконечником стрелы из трубчатой кости, кольцом «тынзяна» – аркана для поимки оленя, ритуальными ложками из оленьего рога и массивной моржовой кости), предметом неизвестного назначения с кольцеобразной выемкой на конце.

Весь этот инвентарь датировать трудно. Основная масса вещей относится, конечно, к позднему времени. Но некоторые из них имеют типологическое сходство с находками в землянке на мысе Тиутей-сале, существовавшей до X века. В частности, это костяные ложки и деревянная модель ножа [83].

В том, что на Харде-седе действительно присутствуют предметы времени существования селища Тиутей-сале, убеждают находки металлических изделий. В торфяном слое нами найдены бело-бронзовая лапчатая привеска и миниатюрная бронзовая бляшка), имеющие аналогии среди украшений из могильников Ленкпонк в районе с. Самаровского (ныне Ханты-Мансийск) и УнаЛай близ устья Иртыша [83. табл. XXVIII, 23–24; табл. XIV, 5–6, 15], а также из Канинской пещеры на верхней Печоре [20. рис. 37, 14]. Все они укладываются в рамки оронтурской археологической эпохи Нижнего Приобья (VI-IX вв.).

К этому же времени, может быть, относятся обнаруженные на Харде-седе фрагменты медных котелков. Сходные предметы, надежно датируемые оронтурской эпохой, известны с жертвенного места Хэйбидя-Пэдара на р. Маре-ю (Хайпудыра) в восточной части Большеземельской тундры [85. табл. X, 14], а также обнаружены нами на Белой горе под с. Шурышкары.

На Харде-седе встречаются изделия из камня: обломок брусчатого оселка, половинка дисковидного предмета с двусторонней сквозной конической сверлиной в центре, вторично использованного в качестве оселка, сломанный на обоих концах наконечник стрелы из хорошего кремня, нуклевидый граненый камень, мелкие кремневые отщепы. Дисковидный предмет мог быть принесен со стороны (видимо, так оно и было, ибо подобного рода находки В. Н. Чернецов [84. табл. II, 3] датирует второй половиной 2-го тысячелетия до н. э. О. Н. Бадер считает, что дисковидные орудия со сквозным отверстием существовали в Прикамье до середины 2-го тысячелетия до н. э. [4. рис. 1186], однако наконечник и кремневые отщепы произведены на месте. Это указывает на то, что на Харде-седе культурные остатки начали отлагаться в очень раннюю пору, когда камень еще применяли при изготовлении орудий, главным образом наконечников стрел и скребков.

Но основные находки здесь относятся, конечно, к эпохе развитого железного века. На сопке обнаружены следы металлургического производства в виде железных шлаков и сплавившегося в стекловидную массу песка, подстилающего верхний торфяной слой. Структурный анализ доказал, что шлак происходит из сыродутного железоделательного горна. Замечу кстати, что это самая северная в Западной

Рис. 4. Городище Бухта Находка. Общий вид с юго-запада

Рис. 5. Поселок Бухта Находка (не жилой). Современный вид

Сибири находка железоделательного производства» [44. С. 181–184].

Выводы, сделанные в статье, весьма спорны. Но не следует забывать, что эти археологические исследования проводились этнографической экспедицией, в которой не участвовали специалисты-археологи, да и сам памятник оказался редким для того времени, а потому и непростым для анализа.

В 1989 году в Бухте Находка провел исследования археолог В. С. Стоколос – сотрудник Института языка, ли-

тературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар). Он обследовал выявленные ранее Лашуком стоянки эпохи ранней бронзы, расположенные рядом с городищем. Однако ситуация не изменилась: объекты, не входившие в сферу научных интересов археолога, остались без внимания [65].

В материалах первых исследователей отсутствовали картографические схемы и чертежи территории древних поселений – и в археологической карте Ямало-Ненецкого АО возникла путаница. Например, Л. Л. Косинская и Н. В. Федорова ошибочно внесли в список два объекта (52 – Харде-яха, стоянка, и 53 – Находка, поселение), соответствующих одному археологическому объекту, расположенному на территории бывшей зверофермы поселка Бухта Находка. А городище Бухта Находка (ХІІ–ХІV вв.) и подстилающая его стоянка Харде-яха 1 (ІХ–Х вв.) не были включены в список [37. С. 46].

Из-за ошибочной оценки городок средневековых обитателей Арктики оставался без внимания исследователейархеологов в течение 45 лет. Интерес к объектам в Бухте Находка возобновился лишь в последние годы, после раскопок в Ямало-Ненецком автономном округе памятников с «замороженным» (или «мерзлым», то есть замерзшим много столетий назад и не оттаивавшим до тех пор, пока его не вскрыли археологи, благодаря чему в нем и сохранились все органические предметы и останки) культурным слоем.

Рис. 6. Поселок Бухта Находка (не жилой). Остатки рыболовецкого судна

Рис. 8. Теплоход экспедиции на пути в Бухту Находка через Обскую губу

Глава 1. **ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДКА** В БУХТЕ НАХОДКА

В соответствии с современным административным делением Российской Федерации памятник расположен в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Городище находится в 250 км к северо-востоку от окружного центра г. Салехард и 75 км на северо-восток от районного центра пос. Яр-Сале, на территории ныне не жилого пос. Бухта Находка (Рис. 1, 2, 6, 7). В ландшафтно-географическом отношении это территория северной - арктической части Западно-Сибирской равнины, южное побережье Обской губы (залив) Карского моря. Залив Бухта Находка считается южной частью п-ва Ямал, где поверхность, поросшая карликовой тундровой растительностью, сочетается с лесотундровой в долинах относительно крупных рек (Рис. 3, 4). В ближайших окрестностях городища преобладает исключительно тундровый ландшафт, сочетающийся с прибрежным верховым болотом и полосой кустарника.

Летом 2006 года памятник обследовала разведочная группа под руководством автора. Было выяснено, что

по архитектуре, времени функционирования и сохранности культурного слоя памятник близок Надымскому, Полуйскому (Обдорскому) и Войкарскому городкам уникальным позднесредневековым памятникам с замороженным (мерзлым) культурным слоем [31, 22]. Первоначально было установлено, что городище Бухта Находка основано не ранее X-XI вв. и прекратило существование не позднее XIV-XV вв. Городище повреждено верховым пожаром, уничтожившим часть самых поздних слоев на 0,2-0,3 м в глубину. Причина пожара - скорее всего костры, брошенные случайными рыбаками. Кроме того, под толщей культурных отложений памятника обнаружен «мерзлотник» - склад для хранения рыбы, выкопанный под городищем во время функционирования поселка. К настоящему времени часть его конструкций сгорела, и идет процесс разрушения сооружения, что угрожает сохранности городища.

Открытые в 2006 году факты и обстоятельства послужили поводом для организации и проведения стационарных

Рис. 9. Высадка первой разведочной группы в 2006 г.

Puc. 10. Прибрежная мель не позволяет подойти теплоходу к берегу. Разгрузка на воду

Рис. 11. Доставка людей, материалов и оборудования экспедиции к месту базового лагеря на р. Хардэ-яха

исследований городища летом 2007–2008 годов. Они стали продолжением многолетних комплексных исследований памятников с мерзлым культурным слоем в субарктической зоне Северо-Западной Сибири. Полезным оказался опыт полевых исследований, накопленный в предыдущих экспедициях [31, 22].

На первоначальном этапе были проведены комплексные археолого-геодезические исследования памятника. Их цель – определить и зафиксировать площадь распространения культурного слоя, его характер и стратиграфию, получить набор артефактов для определения культурно-хронологической принадлежности городища, зафиксировать современное состояние объекта и установить, какие условия способствуют его разрушению.

Эти исследования включали тахеометрическую съемку памятника и прилегающей территории, археологическое обследование разных его частей и раскопки участка оборонительно-жилого комплекса, сбор образцов для дендрохронологического исследования и датирования по радиоуглеродному методу, сбор остеологического материала для археозоологических исследований. Важной задачей первого этапа было отработать транспортную схему доставки материалов и оборудования экспедиции, а также обустроить базовый лагерь для работ на памятнике (рис. 8-15). Специалисты ООО «НПО «Северная археология-1» собрали научноисследовательский коллектив, в который вошли также сотрудники Института экологии растений и животных УрО РАН и студенты вузов г. Екатеринбурга, на протяжении многих лет участвовавшие в раскопках.

Чтобы определить мощность культурного слоя и морфологию отложений в разных частях памятника, было заложено несколько стратиграфических разрезов. В итоге обозначены общие линейные размеры памятника – 35×23 м и его площадь – 800 кв. м. Оборонительножилой комплекс городища на верхней площадке занимает площадь до 600 кв. м. Толща культурных отложений достигает 3 м, плавно уменьшаясь к периферии.

По результатам тахеометрической съемки памятника и прилегающих окрестностей был построен топографический план памятника, на котором зафиксирован рельеф городища и расположенные рядом разрушенные строения поселка Бухта Находка (рис. 16–17). Кроме того, произведена общая нивелировка поверхности городища и разбивка сетки фиксации на площади 800 кв. м, что позволило составить ее план, на котором зафиксирован микрорельеф, выгоревшие участки и остатки конструкций.

Отдельного внимания потребовала южная часть городища, наиболее пострадавшая от верхового пожара. В процессе работ исследована южная часть оборонительножилого комплекса городища. Общая площадь исследований составила 256 кв. м (рис. 17–18). Здесь полностью раскопаны две жилые постройки, которым в соответствии

Рис. 12. Базовый лагерь экспедиции на берегу р. Хардэ-яха после обустройства

с порядком их обнаружения и расчистки присвоены номера 1 и 2, и частично раскопаны три постройки, получившие номера 3–5. Благодаря этим работам удалось раскрыть закономерности планировки оборонительно-жилого комплекса и особенности архитектуры жилых построек. Кроме того, сформирована большая коллекция артефактов. В процессе археологических работ были собраны палеоэкологические образцы и материалы, которые позволили не только охарактеризовать хозяйство, но и определить время функционирования городка.

Рис. 13. Процесс исследования городища – фиксация находок тахеометром

Рис. 14. Зарисовка архитектурных деталей построек

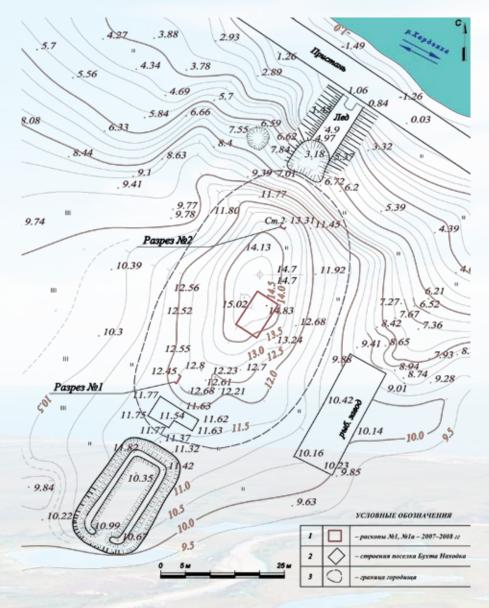

Рис. 16. Городище Бухта Находка. Топографический план памятника

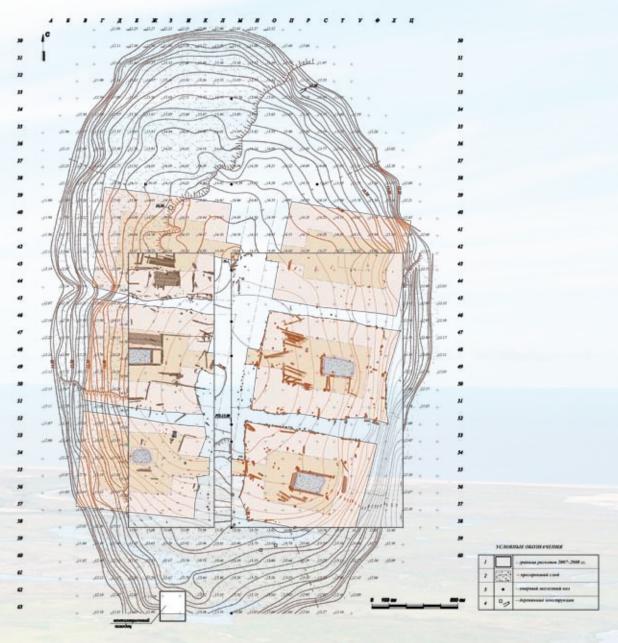

Рис. 17. Нивелировочный план поверхности городища, совмещенный с планом раскопов

Глава 2. **АРХИТЕКТУРА ГОРОДКА СИХИРТЯ**

В мерзлом культурном слое археологических памятников крайнего севера Западной Сибири сохранилось большое количество предметов и объектов из органических материалов. Изучение таких памятников позволяет представить в деталях практически все стороны жизни средневекового населения региона. Особое место занимает архитектура.

Раньше региональным археологам, изучавшим древние поселения с условно «низкой степенью» сохранности строений, были известны лишь отдельные параметры жилищ. Однако в последние годы, обследуя новые памятники, ученые получили большое количество фактов о приемах традиционного домостроения, которые дают возможность судить о его истоках и дальнейшем развитии. Кроме того, появилась возможность сравнивать объекты с памятниками этнической истории аборигенов Сибири, а также рассматривать их на более широком историческом и территориальном фоне.

В археологии Севера Западной Сибири традиционный дом можно назвать одним из признаков, который позво-

ляет произвести относительно достоверную этническую или культурную идентификацию древних строений. Его планировка и архитектура имеют тесную связь не только с технологическим развитием общества, но и с мифологической и религиозной традицией.

Благодаря исследованиям городка в Бухте Находка, несмотря на утраты, получен обширный комплекс данных об архитектурно-планировочных особенностях позднесредневековых аборигенных поселений арктических районов Северо-Западной Сибири (рис. 16–28).

В раскопе 2007–2008 гг. выявлены остатки пяти построек и еще одной – шестой – предположительно. Из них две исследованы полностью. Все эти данные использованы для реконструкции архитектуры жилых строений и планировочной структуры городка. Наиболее интересно описание и анализ конструкций двух полностью раскопанных домов.

Первая постройка (№ 1) имела прямоугольную в плане форму размером 7,5 \times 6 м. (рис. 18–21). Длина наружных стен северного и южного фасадов 7,5 м, западного и восточно-

Рис. 19. Раскоп 2007-08 гг. Общий вид с севера

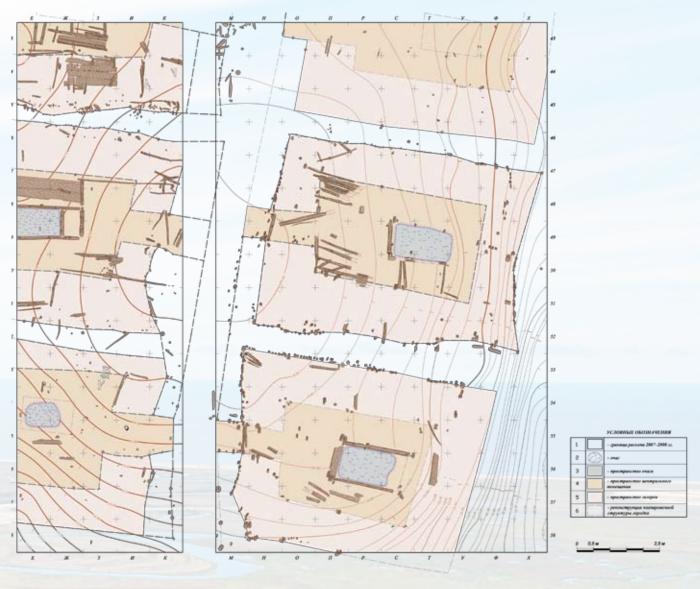

Рис. 18. Городище Бухта Находка. План раскопа 2007-08 гг., совмещенный с реконструкцией планировочной структуры

го - 6 м. Стены представляли собой вертикальный набор жердей (целых или колотых на плахи) диаметром около 5-8 см. Основание жердевой стены укреплено в культурном слое городища без каких-либо дополнительных элементов (фундамента). В стене западного фасада находился проем шириной 0,45-0,5 м, ведущий из центрального прохода в помещение жилища (рис. 21). В его основании лежал брус, справа и слева проем ограничивался конструкциями жердевой стены. Внутреннее пространство дома составляли два помещения: центральное размером 3×5 м, ограниченное столбовой конструкцией, и галерея шириной 1,2-1,7 м, сформированная наружными стенами по его периметру. Из проема вправо и влево шли коридоры галереи, прямо - проем, открывающий пространство центрального помещения. Каких-либо признаков наличия дверей не обнаружено. Большой открытый очаг находился в центре и представлял собой суглинистое основание (фундамент) прямоугольной формы размером 1,65×0,9 м. Деревянная рама, окружавшая очаг, была сконструирована из брусьев, торцы которых фиксировались в вертикальных опорных столбах, расположенных по углам очага. С наружной стороны брусья дополнительно укреплялись колышками. Пол дома был выстлан жердями, уложенными параллельно боковым стенам на поперечные лаги. Часть жердей стесана. Фрагменты пола сохранились на участке П-Р/47-50. Отдельные лаги обнаружены у очага на участке С-Т/50. Галерея – круговой обход, обрамлявший по внешнему периметру центральное помещение, – не имела специально уложенного пола. Пространство галереи конструктивно выполняло теплоизоляционную функцию и, очевидно, использовалось для хранения продуктов питания, одежды и утвари, то есть имело хозяйственное назначение.

Вторая постройка (№ 2) аналогична первой по внутренней планировке и архитектурным особенностям, за исключением некоторых размеров (рис. 18, 20, 22–24).

Общие размеры устанавливались по остаткам основания левого бокового (северного) и уличного (западного) фасада. Длина стены правого фасада составляла 7,5 м, задней стены – 7 м. Размеры центрального помещения 4×5 м. Хорошо сохранились фрагменты основания жердевых наружных стен в угловых частях: квадраты О/54 и Н-О/58. Конструкции проемов построек № 1 и № 2 со стороны центрального прохода немного отличаются. Во втором случае справа и слева проем уличного фасада дополняют ряды вертикальных жердей, образуя своеобразный коридорообразный лаз. Совершенно очевидно, что дверь в помещение отсутствовала. Дом также состоял из двух помещений. Остались фрагменты пола к югу от очага на участке О-С/57. Размеры основания очага, также располагавшегося по центру и окруженного деревянной рамой, – 1,65×1 м. (рис. 23). Ширина галереи составляла 1-1,2 м. В северном углу второй постройки на квадрате М-Н/53 обнаружены остатки наружной стены и кровли (рис. 24). Судя по ним, кровля, как и настил пола в центральном помещении, укладывалась параллельно боковым фасадам. Вероятно, все жилые помещения имели плоскую кровлю, выполненную из жердей и опиравшуюся в центре на верхнюю раму, связывавшую центральные опорные столбы, а по периметру на стеновые конструкции, которые в таком случае вверху должны были иметь балку. В потолке над очагом, очевидно, оставлялось дымовое отверстие. Минимальный уровень высоты кровли реконструируется в пределах 1,5-2 м.

Постройки 3–5 изучены частично, но их детали дополняют архитектурный облик дома сихиртя (рис. 25). Во всех случаях пол выстилался только вокруг очага в центральном помещении. Это помещение не отделялось стеной. Не

исключено, что его пространство по необходимости изолировалось занавесью из шкур. Слева от входа у наружной стены каждого дома находилась домашняя «кумирня», но лишь в одном случае, в постройке № 5, перед ней был настелен пол. Культурный слой внутри построек и за их пределами по структуре радикально не различается. Он почти однородный, коричневого цвета и включает массу из щепы, травы и полуистлевших органических остатков.

Жилые дома с подобной архитектурой не имеют прямых аналогов в этнографической литературе. Можно найти лишь некоторые формальные параллели, позволяющие воссоздать их интерьер и облик. Причем наиболее близкие постройки найдены довольно далеко – в Восточной Сибири, среди постоянных (долговременных) каркасных домов в форме усеченной пирамиды. Такие дома строили долганы и якуты [19. С. 146–147; табл. XIII: 1–5].

В середине XVIII века Степан Петрович Крашенинников приводит описание подобных построек, описывая жилища аборигенов Камчатки [39. С. 25–31]. Эти описания позволяют обосновать наличие ряда утраченных важных архитектурных деталей дома сихиртя. Например, у камчадалов в аналогичных домах центральным входом считался проем над очагом (рис. 28), а второстепенным небольшой проход в одном из фасадов, через который входят только женщины и дети [39. С. 27–28]. Представляется вполне вероятным, что аналогичная система существовала и в жилищах городища Бухта Находка, где небольшой проем в фасаде обеспечивал преимущественно циркуляцию воздуха в помещениях. Судя по всему, надочажная пространственная конструкция крепилась к четырем центральным опорным столбам и была аналогична широко

Рис. 20. Постройки № 1 и 2. Общий вид с севера

Рис. 21. Постройка № 1. Вид с запада

распространенной ныне в ненецких чумах, с той разницей, что наружные концы продольных горизонтальных жердей-вешал крепились не к центральным опорам, а к наклонному каркасу чума [19. С. 140–142; Табл. VI: 11]. Котел для приготовления жидкой пищи, вероятно, так же подвешивался над огнем на тагане.

Жилища построены параллельно друг другу в два ряда. Их разделяет центральный проход, с которым каждое строение связано узким и коротким коридором. Друг от друга постройки отделены небольшим коридором шириной 0,5 м. Судя по размерам полностью раскопанных построек, их взаиморасположению и соотношением с общими современными размерами сопки, габаритные размеры городка восстанавливаются в пределах 35×23 м.

Такая планировочная структура и некоторые элементы планировки жилищ имеют архаичные черты и, очевидно, связаны с архитектурной традицией городищ аборигенного населения таежной зоны Среднего и Нижнего Приобья начиная с середины 1-го тыс. до н. э. - периода кулайской археологической культуры. В позднесредневековых (X-XVII вв.) аборигенных населенных пунктах субарктических районов Северо-Западной Сибири (городища Ярте 6, Зеленая горка, Войкарское, Полуйское и Надымское) также встречаются остатки подобных строений, сохранившиеся на 80-90% [81; 70; 73; 31; 26; 25]. Опираясь на анализ архитектуры этих памятников, можно утверждать, что традиционное жилище аборигенов Нижней Оби до XIII-XIV веков имело в основе каркасную конструкцию, центром которой был очаг. По археологическим данным, подобные постройки известны на территории Северо-Западной Сибири как минимум с середины 1-го тыс. н. э. В связи с этим особое внимание следует обратить на срубные строения Надымского городка XV - первой трети XVI века.

Рис. 22. Постройка № 2. Вид с северо-запада

Рис. 23. Очаг постройки № 2

Рис. 24. Угол постройки № 2. Фрагменты наружных стен (в центре – остатки сваи навигационного знака)

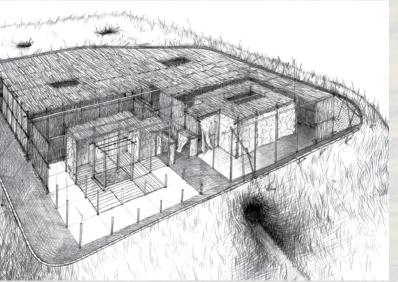
Рис. 25. Постройки № 3 и 5. Раскопанные участки, вид с юго-запада

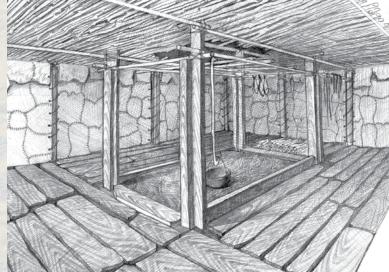
Время создания и функционирования последнего оборонительно-жилого комплекса, выявленного при раскопках 2006–08 гг., определено по данным дендрохронологического анализа образцов древесины, взятых из конструкций городища. Выяснено, что сооружение было построено единовременно в 1220 г. Ремонт северо-восточной

наружной стены городища и сопряженных стен построек № 1 и № 2 производился в 1280–85 гг. Скорее всего, столь длительный период функционирования построек из лиственницы связан с прочностью этой породы дерева и малым летним периодом, когда она могла истлевать. Вероятно, после ремонта поселение функционировало еще

Рис. 26. Реконструкция оборонительно-жилого комплекса городища (О. В. Кардаш, С. А. Уткина). Рисунок архитектора С. А. Уткиной

Рис. 27. Реконструкция интерьера жилой постройки городища (О. В. Кардаш, С. А. Уткина). Рисунок архитектора С. А. Уткиной

какое-то время, но вряд ли более 50 лет, что явно потребовало бы ремонта жилых домов, а это не было зафиксировано. Скорее всего, городок прекратил свое существование не позднее 1310–30 гг.

Благодаря собранным в процессе археологических работ палеоэкологическим образцам и материалам, время функционирования городка определено как зимнее. Население в нем проживало сезонно, что, по всей видимости, определялось хозяйственным циклом. Весной, вероятно, большинство жителей покидало городок, оставались лишь те, кто не мог передвигаться. Остальные возвращались и жили в городке всю оставшуюся осень, зиму и часть весны.

Анализ и реконструкция строений городища Бухта Находка позволяет охарактеризовать общие признаки жилых домов и реконструировать общую планировочную структуру городка сихиртя. Постройки относятся к группе прямоугольных в плане каркасных сооружений с очагом в центральном жилом помещении, неотапливаемой галереей по периметру и плоской крышей. Эти дома имели основной входовой проем над очагом и дополнительный малый в одном из боковых фасадов. Из шести таких строений, расположенных в два ряда (по три в каждом), формировалась зеркально-симметричная планировочная структура оборонительно-жилого комплекса городища Бухта Находка (рис. 26). Главные фасады домов, имевшие небольшие проемы, выходили на центральную улицу. Каждый дом имел жердевую кровлю, удерживаемую дерновым гнетом. Пространство центрального прохода (улицы) явно также имело опиравшееся на главные фасады домов жердевое перекрытие, прижатое дерном. Судя по наличию остатков ряда столбов по периметру, комплекс построек был окружен единой каркасностеновой конструкцией. Поскольку имел место дефицит природных строительных материалов, наружные стены могли формироваться из дерново-моховых брикетов (рис. 27). В итоге оборонительно жилой комплекс городища выглядел как поросшая травой обособленная сопка, то есть примерно так же, как сейчас, только на 2-3 м выше.

На сегодняшний день городище Бухта Находка можно назвать самым северным из известных в регионе поселением аборигенного населения Западно-Сибирской Арктики, имеющим оборонительно-жилой комплекс.

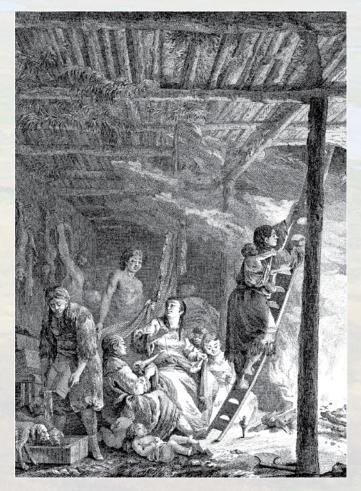

Рис. 28. Рисунки-реконструкции интерьера традиционного жилища камчадалов, выполненные европейскими художниками по описаниям М. Крашенинникова, 1755 г. [91. Р. 24–25]

Глава 3. **ПРОМЫСЛОВЫЕ И БЫТОВЫЕ ОРУДИЯ. ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА**

Археологическая коллекция, полученная при стационарных исследованиях городища в 2006–2008 гг., насчитывает более 1,5 тыс. целых предметов и фрагментов изделий. В это число не входят найденные в культурном слое природные камни разных размеров, которые могли использоваться в каких-либо целях, и шлаки – отходы кузнечного производства, образовавшиеся от ковки металлургических криц. Подобных образцов около четырехсот. Анализ всех этих находок дает представление о бытовой культуре и занятиях населения городка.

3.1. Костюм: одежда, обувь, украшения

Фактов, позволяющих судить об одежде жителей городка, немного. Это несколько фрагментов ткани, меха, кожи и специальные приспособления для удаления снега с одежды. Всего предметов – 24 экз. (рис. 29).

Кроме фрагмента одежды из оленьей шкуры, сохранившегося благодаря выделанной коже, наличие и широкое использование меховой зимней одежды у жителей городка подтверждается другими находками. Это специальные приспособления для выбивания снега из одежды (рис. 29 – 1–3). Их найдено 6 экземпляров. «Выбивалки» представляют собой прямые деревянные пластины со стержнем овально-уплощенного сечения. Длина целого экземпляра составляет 37 см. Рукоять оформлена в виде прямоугольного или округлого навершия. Все образцы найдены на территории жилых построек. Такие орудия и в настоящее время бытуют у ямальских ненцев и хантов Нижней Оби, они имеют схожую форму и называются – «янгача». Большое число подобных предметов найдено при раскопках Надымского городка [25. С. 133, 198, рис. 3.3].

Наличие текстильной одежды подтверждается находками в постройке № 3. Это темно-зеленый лоскут полотняного переплетения, фрагмент коричневой материи саржевого переплетения и фрагмент рукава (рис. 29 -5, 6). Ширина рукава (21 см) одинакова по всей длине, составляющей 41 см. Рукав сшит из нескольких полотен: основная часть - из зеленого сукна в желтую и красную полоску, полотняного переплетения, а остальная часть составлена из мелких коричневых и зеленых лоскутов саржевого переплетения и красных лоскутов (заплат) полотняного переплетения. Суконная одежда, безусловно, имела импортное происхождение. Вероятнее всего, ее происхождение связано с европейскими территориями Древнерусского государства, где ткачество занимало одно из важнейших мест в ремесленном производстве и приобрело массовый характер [10. С. 265]. Обнаружено еще одно текстильное изделие, связанное из толстой

шерсти, размер 18×10 см. Возможно, это носок или шапка. Едва ли древние жители Ямала умели вязать вещи. Скорее всего, изделие прибыло в городок в готовом виде. Вязаный текстиль известен по материалам Новгорода [52. С. 265].

Обувь представлена деталями и обрезками изделий из хорошо выделанной телячьей кожи импортного производства, всего 12 экз. (рис. 29 – 7–11). В основном это фрагменты обувных головок, на которых присутствуют следы от швов. По мнению А. В. Курбатова, одна из деталей подошвы, вероятно, была изготовлена из рукавицы. Эти образцы найдены как на территории построек, так и за их пределами.

Специфифический женский пояс – вороп. На территории постройки № 4 обнаружено три воропа (рис. 29 – 12–15). Они изготовлены из бересты, листы которой сложены в два-три слоя в одном направлении. Длина изделий составляет 29–42 см, ширина округлого «медальона» 10–11 см. Два воропа украшены аппликациями из узких (0,7–0,8 см) полос, орнаментированных в «зубной» технике, то есть методом «покусывания». Такой способ орнаментации известен у обских угров [82]. В археологических материалах севера Западной Сибири вороп широко представлен в вещевом комплексе Надымского городка, где имеются как берестяные, так и кожаные детали таких поясов [25. С. 176, рис. 3.56 – 1–3]. Основное отличие воропов сихиртя – это большой размер, длина же надымских изделий редко превышает 30 см.

Украшения костюма составляют относительно многочисленную категорию. По материалу, из которого они изготовлены, выделяется три группы: металлические, стеклянные и костяные (рис. 30, 31).

Украшения из цветного металла представлены разнообразными литыми изделиями на основе меди и сплавов. Всего в коллекции таких предметов 23. Среди них плоские подвески, имитирующие перепончатую лапку водоплавающей птицы - скорее всего, гуся (утки, гагары, лебедя?). Найдено 9 экземпляров таких изделий, и все они отлиты из белой бронзы в односторонней двустворчатой литейной форме (рис. 32). Подвески обнаружены и на территории построек, и за их пределами. По форме декора выделяется два типа: ажурные «лапчатые» подвески с прорезями в лопастях и сплошные «лапчатые» подвески. Такие подвески имеют массовое распространение на памятниках XIII-XV вв. в таежной зоне Северо-Западной Сибири. Кроме того, подобные изделия обнаружены в могильниках вымской культуры Северного Приуралья [79. С. 60-65, рис. 20 – 7; **59**. С. 106, рис. 31, 33–35, 38, 40].

Рис. 29. Вещевой комплекс. Фрагменты, детали костюма и принадлежности. 1–3 – орудия для очистки меховой одежды – выбивания снега ('янгаць' – ненец.); 4 – суконный рукав; 5 – суконный лоскут; 6 – вязаное изделие (носок, шапка?); 7–11 – фрагменты кожаных изделий (обуви?); 12–15 – детали женского пояса: воропы из бересты

Рис. 30. Вещевой комплекс. Украшения костюма. 1-9 - бронзовые подвески в форме лапки водоплавающих птиц - «лапчатые»

Еще одна разновидность литых украшений – объемные подвески сложной конструкции, состоящие из нескольких деталей (рис. 31). Нередко их именуют «шумящими». В коллекции такие изделия представлены фрагментарно – это цепочки, привески, имитирующие бубенчик, пронизки. Все они отлиты из сплава белой бронзы в технике литья по восковой модели либо в двусторонних двустворчатых формах со стержнем. Одна из пронизок раздвоена наподобие «рогатки». Аналогичная находка происходит из Ортинского городища на реке Печоре, датированного X–XI вв. [89. С. 93, рис. 33–6]. В целом подобные изделия характерны для средневековых памятников севера Восточной Европы и Западной Сибири.

Другие типы металлических украшений малочисленны и представлены небольшими фрагментами и единичными предметами. В их числе бусины и бусиныпуговицы. По форме каждая бусина уникальна. Одна из них – в форме бочонка – отлита по восковой модели из оловянистой бронзы; аналогичные экземпляры найдены в водских курганах. А. А. Спицын датировал такие бусины XIII–XIV вв. [58. С. 63, рис. 8 – 56; 64. С. 42, табл. XI: 5, 17; 63. С. 117]. Найдено несколько фрагментов пластинчатых браслетов из белой бронзы. Малые размеры изделий не позволяют достоверно установить их культурнохронологическую принадлежность. В постройке № 1 об-

наружен фрагмент железного кольца диаметром 1,6 см, шириной 0,2 см. Предварительно оно идентифицировано как украшение, поскольку сильно коррозировано, что не позволяет воссоздать декор.

Группа украшений из стекла и камня представлена бусами, в том числе изготовленными из янтаря. Всего найдено 18 бусин разной формы и цвета (рис. 51). Такие бусы характерны для древнерусских и болгарских памятников конца XI–XIII вв. [3. Т. 2, с. 187, табл. 86; с. 197, табл. 87]. Найденные янтарные бусины, по-видимому, связаны с Волжской Булгарией и датируются также примерно X–XIII вв. [7. Рис. 46–1; 78. С. 103; 3. Т. 2, рис. 177].

Отдельная группа украшений – изделия из кости, в частности, подвески из нижней челюсти песца и из клыка песца. Обе подвески найдены на территории постройки № 4. Других украшений из костей или клыков в городище Бухта Находка не найдено. С древнейших времен многие народы использовали кости и зубы различных животных в качестве украшений-амулетов. Эта черта стала обязательной частью образа первобытного человека. Считаем необходимым отметить, что на других средневековых памятниках региона, таких как Надымский, Полуйский и Войкарский городки, подвески из костей животных – самая распространенная категория украшений. Единичность таких изделий в слое городища Бухта Находка показательна

Рис. 31. Вещевой комплекс. Украшения костюма. 1-9 - фрагменты бронзовых и серебряных украшений

и, возможно, является важным культурным или хронологическим признаком для памятников Нижнего Приобья.

На территории городка обнаружены также элементы ременного (уздечного) набора. Эта категория представлена 12 изделиями – накладками, ременными наконечниками и пряжками (рис. 50). Они имеют на обоих концах по два отверстия для заклепок, или штифты. Декор на лицевой стороне изделий не фиксируется. Такие предметы из железа относятся к аскизским древностям [42]. Утилитарное использование украшений такого типа жителями городка вызывает большое сомнение. В этой связи их более детальная атрибуция приведена ниже (см. главу 4).

Среди найденных предметов обихода отдельного внимания заслуживают гребни. Их назначение было связано не столько с гигиеной, сколько с укладкой волос и украшением прически. Это цельные деревянные или костяные пластины с расположенными по одной стороне зубцами. Обнаружено 8 гребней различной степени сохранности: три из рога и пять деревянных (рис. 32). Один из гребней найден в южной части центрального помещения постройки № 2 справа у очага. Он выполнен из рога северного оленя (рис. 32 – 1) и имеет длинную рукоять трапециевидной формы, сужающуюся к тонким коротким зубцам. В верхней части рукояти проделаны два отверстия для подвешивания. С лицевой стороны щиток рукояти украшен орнаментом, имитирующим шнур и состоящим из трех вписанных друг в друга рамок со сторонами, параллельными краям изделия; с обратной стороны орнамент отсутствует. Интересно, что при раскопках в Надымском городке слоя середины XVI века был обнаружен предмет неизвестного назначения с таким же орнаментом (рис. 32 – 9). Этот факт свидетельствует о связях между этими населенными пунктами. Второй костяной гребень (рис. 32 – 2) найден в юго-западном углу центрального помещения постройки № 1. Гребень имел рукоять в форме округлого щитка с отверстием в верхней части. В нижней части рукояти – орнаментальная полоса из изогнутых линий или уточек. От рукояти отходят крупные зубцы, которых, по-видимому, было шесть. По форме рукояти (верх щитка – арочной формы) изделие сопоставимо с гребнями из раскопок городка Ярте 6. Третий гребень из рога (рис. 32 – 4) обнаружен в постройке № 4. Сохранилась только половина изделия. Рукоять этого гребня имеет прямоугольную форму и выступ в верхней части, где расположено отверстие. Зубцов, по-видимому, было семь. На лицевой стороне - несколько линий, образующих ромбическую сетку.

В восточной части центрального помещения постройки № 1, у очага, найден деревянный гребень (рис. 32-5) с рукоятью прямоугольной формы, украшенной ажурным навершием и шестью массивными зубцами. Рукоять с одной стороны орнаментирована рядами из семи спиралевидных завитков – волют, с другой стороны – сложной декоративной композицией с элементами в виде лозы и волют. Второй деревянный гребень (рис. 32-6) был обнаружен, возможно, в пространстве предполагаемой по-

стройки № 6. Гребень имеет массивную рукоять и пять зубцов. Рукоять прямоугольная, верхняя часть - арочная, с отверстием. С одной стороны гребень украшен элементами граффити – волютой и волнистой линией, на другой стороне орнамент отсутствует. На территории постройки № 1 был найден еще один деревянный гребень (рис. 32 – 3). По форме он аналогичен целым гребням с городища Ярте 6: рукоять арочной формы отделена от зубцов поперечной планкой, от которой отходят пять зубцов. Щиток украшен тремя сквозными отверстиями и линией, прорезанной параллельно верхнему краю. Следующий гребень из дерева (рис. 32 – 8) обнаружен в постройке № 5. По форме он аналогичен предыдущему, но орнамент отсутствует и зубцов шесть. Последний деревянный гребень (рис. 32 – 7) находился в постройке № 4. На обеих сторонах щитка орнамент: на одной стороне - прочерченная линия, на другой – две дугообразные линии.

Необходимо отметить отсутствие единства в серии гребней из городка Бухта Находка, и в этом ее отличие от коллекции, собранной в городище Ярте 6: различны как пропорции предметов, так и их оформление, а также в облике гребней присутствуют черты, характерные для прикамской традиции. Таким образом, коллекция отличается использованием элементов из различных изобразительных традиций.

В коллекции находок с поселка Бухта Находка декорированных изделий немного, среди них – большая часть гребней. При этом ни один орнамент не повторяется полностью. Однако встречаются случаи совпадения орнамента на гребнях и на других предметах быта. Подобные факты исследовала М. Г. Иванова на материале городища Иднакар [17. С. 189] и заключила, что набор орнаментальных мотивов, украшающих не только керамическую посуду, но и гребни, не случаен, а отражает некоторые мифологические представления. К аналогичному выводу приходит О. А. Кондратьева [36. С. 81–82]. С другой стороны, орнаментальные схемы, которые использовались одновременно для украшения разных предметов быта, могут оказаться культуроопределяющим признаком.

Судя по наличию на некоторых гребнях отверстий для подвешивания, следов потертости и особой орнаментации, их могли носить на шее или на поясе в качестве оберега. Аналогичные факты отмечены на приуральских материалах [17. С. 170]. Еще один вариант использования гребня – в качестве элемента прически. В отличие от русских памятников севера Сибири, в культурном слое которых найдено большое количество состриженных волос, на территории аборигенных памятников, в частности Надымского городка, свидетельств стрижки волос не обнаружено [8. С 116]. В. Ф. Зуев так пишет о самодийцах и северных остяках: «Волосы их и без того грубые и жесткие, как щетины, а они к тому ж их никогда не чешут и не знают, что есть чесать волосы на свете. Мужчины ото лба вкруг головы подбривают, а верхушку же оставляют с густыми волосами просто, и хотя они не пекутся о том,

Рис. 32. Вещевой комплекс. 1–8 – деревянные и костяные гребни – заколки; 9 – изделие из рога северного оленя с орнаментом, аналогичным гребню 1, Надымский городок, слой XVI в.

чтоб заплетать их в косы, однако волосы сами по косам сваливаются и на голове лежат как крепкий войлошный парик...» [13. С 27]. Можно предположить, что и в средние века аборигены Севера, укладывая волосы в прическу, обходились без стрижки. Вряд ли можно было расчесать такие волосы гребнем, скорее, с его помощью волосы закреплялись, и гребень выполнял декоративную роль или роль оберега. Такой способ применения гребней описан у аборигенов Мадагаскара в середине XX века и в захоронениях бронзового века на Аравийском п-ве (рис. 33, 34). Африканская и аравийская параллель, безусловно, далека и неоднозначна, но морфологическое сходство предметов наводит на мысль о том, что средневековое население Западной Сибири могло использовать гребни подобным образом.

Выше упоминалось о ношении гребня в качестве оберега. При раскопках городища Бухта Находка зафиксирован особый порядок размещения вещей в пространстве жилищ: в разных домах одинаковые по функциям предметы находились в одном и том же месте. По-видимому, жители раскладывали их определенным образом, прежде чем по-

кинуть поселение. Это касается и большинства гребней. В трех случаях они найдены справа от очага и в левом переднем углу. Можно предположить, что целые гребни использовались как оберег жилища.

Гребень в традиционной культуре многих народов Евразии имел и имеет особое идеологическое значение. Нередко он становится атрибутом мифологических существ и наделяется магическими свойствами [48. С. 47, 181, 574 и др.]. У хантов было запрещено перемещать гребень за пределы рода, родовой территории, в том числе запрещалось брать его в семью мужа в качестве приданого, а также класть в могилу в составе погребального инвентаря. Считалось, что это может навлечь на родственников несчастье, даже смерть [2. С. 176; 67. С. 131]. В мифологии обских угров гребень используется в качестве барьера между мирами; он присутствует в мифологических сюжетах и в некоторых обрядах [49. С. 65, 101; 2. С. 178]. Наличие орнаментированного навершия подтверждает высокий семантический статус и сакральное значение гребня, выделяющие его среди бытовых предметов традиционного вещевого комплекса сибирских народов. Один из таких

примеров, демонстрирующих связь орнамента и статуса вещи, – предмет, декор которого оказался знаком принадлежности потомку Обдорских князей Тайшиных (найден автором лично в пос. Горнокнязевск, представляет собой весло с орнаментом, которое принадлежало князю и его потомкам, и эту принадлежность маркировала именно небольшая орнаментальная композиция). Еще один фактор, обуславливающий высокий статус гребня, – он соприкасается с головой, а ее сибирские аборигены считали вместилищем души [2. С. 176; 51. С. 195].

3.2. Предметы и орудия промыслов

В эту группу входит промысловое оружие и различные средства для лова животных и рыбы. Промысловое оружие представлено прежде всего деталями луков, стрел, элементами снаряжения лучника. К средствам лова относятся преимущественно рыболовные снасти (сети, грузила).

Детали лука и снаряжение лучника, безусловно, связаны как с промысловой деятельностью, так и с боевым – военным применением. В группу промысловых орудий эти предметы включены с учетом их первоначального назначения. В описываемой коллекции представлены собственно детали лука, элементы экипировки лучника и наконечники стрел (рис. 36).

Восемь предметов можно определить как детали лука. Это 4 фрагмента кремлевой пластины (твердой – внутренней пластины из древесины хвойных пород) составного клееного лука (рис. 36-5). На лицевой стороне одной пластины – два ряда тонких линий, имитирующих шнур, подобных элементам орнамента на одном из костяных гребней (рис. 32-1). Находки были сделаны в постройке № 1 и 3. Кроме того, найдены 4 хвостовика составного лука, изготовленные из рога (рис. 36-1-4).

Сложные составные луки большого размера были широко распространены на территории Северо-Западной Сибири и, судя по материалам раскопок Надымского городка, их конструкция оставалась неизменной с XVI и вплоть до XX в. Орнамент на кремлевой пластине показывает, что луки из городка Бухта Находка отличались отсутствием берестяной ленты, которой оборачивались практически все известные ранее луки.

Для того чтобы защитить запястье левой руки, по которому ударяла отпущенная тетива, использовались специальные щитки. Найден один такой щиток (рис. 36 – 6). Он изготовлен из бивня мамонта, имеет форму вытянутого овала, и изогнут по продольной оси. С обеих сторон – парные отверстия, в которые продевались ремешки, закреплявшие щиток на руке. По контуру изделие декорировано орнаментом «уточка».

В постройке № 3 обнаружен один колчанный крюк – вытянутая пластина с двумя отверстиями для продевания ремней и фигурным контуром (рис. 36 – 7).

На разных участках – как на территории построек, так и вовне – найдено 34 наконечника стрел (рис. 37). Все они

Рис. 33. Односторонние гребни-заколки в составе прически у аборигенов о. Мадагаскар. Фото Ж.Фабле 1939, 1940 гг. [90. С. 31, 33, 41] Рис. 34. Односторонний гребень-заколка у левой части черепа. Некрополь бронзового века (2500–2000 гг. до н.э.) поселения Тель-Абарак на Аравийском п-ве [93. С. 94–97] Рис. 35. Постройка № 2. Крюк из рога северного оленя,

ard to all the same

Рис. 36. Вещевой комплекс.
Детали лука и снаряжения лучника:
1–4 – костяные хвостовики составных клееных луков;
5а – фрагмент кремлевой пластины составного клееного лука,
56 – орнамент из двойных параллельных линий (выжженных?)
на лицевой части кремлевой пластины (деталь);
6 – костяной щиток для защиты запястья от удара тетивы;
7 – костяной крюк – застежка от колчана

делятся на две группы: 17 наконечников из кости и рога оленя и 17 экземпляров – из железа. Костяные наконечники в форме вытянутого треугольника с удлиненным трапециевидным насадом представлены двумя типами – плоские, трехгранные и многогранные (рис. 37 - 1-17). Железные наконечники типологически более разнообразны: листовидной формы, треугольной формы, стержневидные, с разными подтипами по форме проникателя (рис. 37 - 18-32).

Каких-либо других элементов снаряжения и деталей от самоловных средств охоты не обнаружено. Очевидно, охота при помощи лука и стрел была основным способом добычи животных у населения городка.

Среди находок встречаются орудия рыболовства. Использование в этом промысле сетей подтверждается одним из видов находок - это иглы - инструменты для вязания сетей (рис. 38 – 1-5). Целые иглы и фрагменты обнаружены практически во всех постройках. Все они изготовлены из рога, имеют форму вытянутой пластины, снабженной с обеих сторон смыкающимися остриями усиками. Общий размер одного из целых экземпляров составляет 29 см, длинна усиков 7 см. Самые близкие этим орудиям аналоги встречаются в коллекции Надымского городка [25. С. 153, рис. 3.35: 3, 4] и в западносибирских этнографических материалах. Предметы, отнесенные нами к категории рыболовных грузил, представляют собой расколотые куски гранита, оббитые по контуру, и окатанные гальки (рис. 38 – 6–9). Единичные грузила для сетей были распространены по территории всего раскопа. На участке раскопа 1 найдено скопление каменных грузил.

3.3. Предметы вооружения

Эта категория изделий представлена клинковым и древковым оружием и деталями защитного доспеха. В коллекции 13 предметов (рис. 43 - 1 - 10).

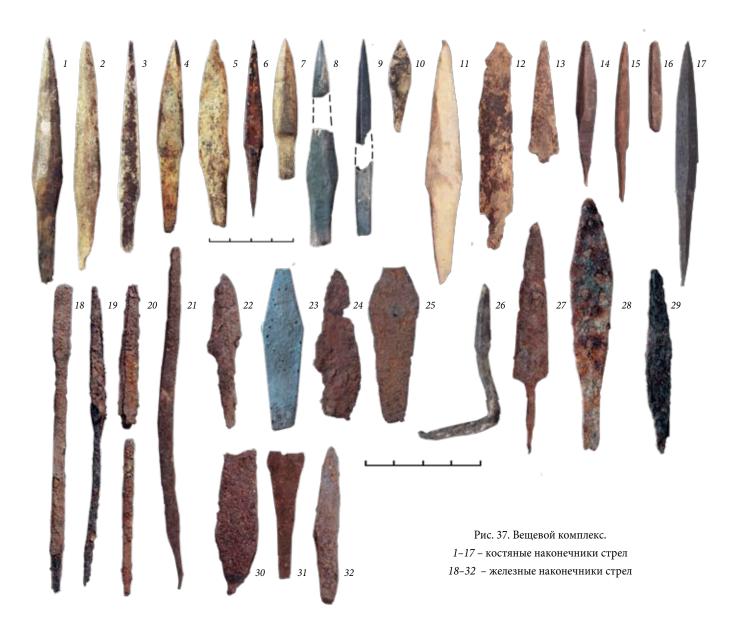
К клинковому оружию причислен один боевой нож, найденный в постройке № 5. Он отнесен к этому классу ввиду большого размера, не свойственного хозяйственным ножам, – 25 см. Лезвие ножа прямое, черенок выделен четким уступом со стороны спинки лезвия (рис. 43 - 1).

Древковое оружие также обнаружено в единственном экземпляре – это фрагмент боевого железного топора, который был найден в постройке № 3. Части топора – обух с округлой проушиной диаметром 4,4 см и две пары боковых щекавиц (рис. 43 – 2). Это изделие по ряду признаков близко некоторым разновидностям древнерусских топоров, типичных для средней и северной Руси. Период их бытования – X–XIII вв. [26. С. 38–39, рис. 6].

Защитный доспех представлен фрагментами кольчужного панциря (рис. 43 - 3 - 10). Среди найденных 11 фрагментов как отдельные кольца, так и сцепки из нескольких колец. Все кольца железные, круглого сечения, диаметром 0,9–1,6 см. Способ соединения проволочных колец не определяется. Кольца обнаружены на территории построек № 1, 3, 4 и в межжилищном пространстве.

3.4. Предметы быта и домашнего обихода

В рамках вещевого комплекса городка можно выделить предметы многофункционального назначения – производственные орудия, предметы быта и домашнего обихода.

Бытовые ножи рукояти и ножны составляют отдельную группу предметов (рис. 40). В коллекции 28 предметов, в том числе 8 целых клинков и 20 фрагментов черенков и лезвий. Минимальная длина клинков ножа 5 см, максимальная – 12 см. По форме лезвия и сопряжения лезвия с хвостовиком (черенком) клинки подразделяются на два основных типа. Первый – с прямым длинным черенком, выделенным с двух сторон плавными уступами (рис. 40 - 1-7, 9, 11-16). В рамках типа имеются два варианта, различающиеся по форме лезвия, – с прямой спинкой лезвия и с изогнутой спинкой лезвия. Второй тип – с прямым лезвием и коротким черенком, выделенным сужением лезвия (рис. 40 - 10, 18). Фрагментация представленных в коллекции обломков отдельных черенков (8 экз.) и лезвий (4 экз.) не позволяет рассматривать их внутри этих типов.

Из четырех образцов рукоятей три изготовлены из дерева, один (испорченная заготовка) – из рога. Три рукояти обнаружены в постройке № 4, одна – в постройке № 1. Все деревянные рукояти узкие, прямые, с овальным сечением (рис. 40 - 17, 18). Одна из них представлена целиком. У одной фиксируется только размер сечения – $2,4 \times 1,8$ см. Рукоять из рога слегка изогнута, сечение овальное ($3 \times 1,9$ см), длина 7,9 см. Изделие не было закончено: рукоять треснула в процессе сверления отверстия для черенка.

В постройке № 2 обнаружены фрагментированные берестяные ножны шириной 4 см. Они с обеих сторон украшены выскобленным орнаментом в виде крупных меандров (рис. 40 - 19-21). В постройке № 4 найдены фрагментированные ножны без орнамента. Они представляют собой сложенные в два слоя и прошитые берестяные листы. Ширина ножен 3,2 см, длина по фрагменту не восстанавливается. С одной стороны ножны сужаются (или закругляются), повторяя форму клинка. Эта находка аналогична современным женским берестяным ножнам

Рис. 38. Вещевой комплекс. Орудия и инструменты. 1–5 – костяные иглы для плетения сетей; 6–9 – каменные грузила для сетей

северных манси и хантов [**69**. С. 220; **62**. С. 106]. Такие же ножны были найдены в городище Эмдер, в жилище VI – VII вв. [**14**. С. 85, 90, рис. 42 - 14].

Среди принадлежностей для заточки ножей – точильные бруски. В общей сложности найдено 9 образцов: три оселка – на территории постройки № 3; два бруска – в пределах постройки № 5; один – из постройки № 2; четыре – за пределами жилищ. Бруски изготовлены из сланцев; размеры – от $2,7\times2,6$ до $12,7\times5$ см.

Отдельную группу орудий составляют инструменты и приспособления, используемые в технологических процессах, в частности при обработке древесины, кости или кожи.

В коллекции имеется два костяных струга – детали инструмента для оцилиндровки древков стрел, копий и иных изделий, предполагающих длинную цилиндрическую форму (рис. 39 - 1, 2). Они представляют собой вытянутую пря-

моугольную пластину, полукруглую в сечении, со сквозным поперечным пазом, куда во время работы вставляется лезвие ножа. Оба струга изготовлены из половинки рога оленя, их размеры составляют 7.0×2.6 см, и 7.4~1.9 см. Такие инструменты были широко распространены в средние века на территории севера Западной Сибири [25. С. 165, рис. 3.33-5-7]. Их исчезновение из традиционной культуры связано, в первую очередь, с прекращением употребления луков и стрел.

О наличии и широком использовании топоров свидетельствуют не только следы на деревянных конструкциях домов, но и скобы для ношения топора. В постройке № 3 найдено два таких предмета. Они изготовлены из кости и представляют собой толстые (1,2 и 1,5 см) пластины, вырезанные в форме дуги, с отверстиями для продевания шнурка или ремня (рис. 39 - 5, 6). Подобные скобы известны по археологическим материалам Надымского городка [25. С. 164, рис. 3.32 - 7-9], а также по этнографическим данным [47. С. 76-77, табл. 12 - 5].

Орудия для обработки кожи представлены двумя основными типами изделий. Первый – скребки в форме деревянной пластины с рабочей частью в виде зубчатого края (ребра) или вставным лезвием (железным или каменным) для первичной обработки кожи (снятия мездры). Второй тип – это приспособление из лопатки животного (олень, лось) для вторичной обработки кожи (рис. 42). Все орудия для обработки кожи или их фрагменты находились в пространстве построек. Заметим, что целые приспособления из лопаток животных располагались в центральных помещениях домов у очага, причем при их обнаружении создавалось впечатление, что они были преднамеренно оставлены выложенными на полу группами (рис. 23, 41).

Деревянных скребков найдено четыре (рис. 42 – 1–3). В постройке № 4 найден целый деревянный скребок. Он представляет собой вытянутую пластину с зубцами вдоль длинных сторон и рукоятями на краях. Железных лезвий скребков, вставлявшихся в деревянные рукояти, найдено три. Это прямоугольные изогнутые пластины, завершающиеся полукруглым рабочим краем. Каменное лезвие – концевой скребок на отщепе в форме небольшой кремниевой пластины с ретушью – найдено в одном экземпляре. Кроме того, найден один керамический скребок из фрагмента сосуда. Он имеет форму сегмента с полукруглым рабочим краем.

Одно орудие из метоподии северного оленя по своей форме и рабочему лезвию представляет отдельный специфический тип орудий для обработки кожи (рис. 42 – 4). Такой скребок найден впервые. Определение стадии процесса и особенностей его использования предстоит в дальнейшем.

Орудия из лопатки для вторичной обработки кожи – размягчения, найдены в количестве 32 экземпляров, из них десять изделий сохранились практически целиком, остальные в разной степени фрагментированы. Пять изделий изготовлены из лопатки лося, двадцать семь – из

лопатки оленя (рис. 43 - 5 - 9). Возможно, лопатки лося специально завозили на городище, поскольку, во-первых, северная граница ареала лося проходит южнее, а во-вторых, отсутствуют остатки других частей тела лося.

Аналогичные орудия в относительно большом количестве известны на археологическом памятнике, также расположенном на п-ве Ямал. Это городище Ярте 6, датированное концом XI началом XII вв. [86. С. 112-120]. Определением функционального назначения этих орудий по трассологическому методу занималась Н. А. Алексашенко. В своей работе она делает вывод об использовании этого орудия для изготовления ремней из оленьей кожи [1. С. 186-187, рис. 2]. В качестве предположения о необходимости такого количества выделанной оленьей кожи ею высказано мнение о большой потребности в ремнях в транспортном оленеводстве. Вывод о такой специализации у нас вызывает сомнение. Во-первых, в этнографических описаниях орудий оленеводческих народов не встречается ни одного функционально близкого орудия. Во-вторых, на основе анализа всего вещевого комплекса городища Бухта Находка можно утверждать, что его население вообще не занималось оленеводством.

Использование инструмента в технологическом процессе обработки кожи не вызывает сомнения, и очевидно, что это орудие применялось на завершающей стадии для выделки кожи. Судя по этнографии аборигенных народов севера Сибири, в частности нганасан, такое количество выделанной кожи могло быть необходимо для изготовления ремней, используемых для плетения сетей – ловушек, расставляемых при загонной охоте на северного оленя [55. С. 16–39, рис. 6–11]. Не исключено, что такими орудиями могли обрабатывать кожу рыб (осетровых), необходимую для изготовления водонепроницаемой одежды, которая ранее была широко распространена.

Вколлекции находок представлены также швейные принадлежности, в частности 35 железных игл. С их помощью изготавливались изделия из ткани, меха, кожи и бересты, а также берестяные заплаты. Длина целых игл колеблется от 3,8 до 5,5 см. Иглы были обнаружены как в пределах, так и вне построек. Кроме того, найдены две иглы-проколки. Они представляют собой костяные стержни одинакового размера (рис. 39 - 3, 4) с заостренным рабочим концом. Возможно, такие иглы использовались для прокалывания дыр в бересте или коже и для сшивания кедровым корнем деталей берестяных корыт. Также к швейным принадлежностям отнесен найденный в постройке № 4 фрагмент мотовила в форме деревянной пластины.

Посуду и кухонную утварь составляют металлические, деревянные и берестяные предметы для хранения, приготовления и употребления пищи.

Металлическая посуда на памятнике представлена многочисленными фрагментами и деталями медных котлов. Всего на территории раскопа обнаружено 443 фрагмента медных котлов (рис. 46). Из них 420 – это мелкие прямоугольные пластины размером не более 10×10 см

Рис. 39. Вещевой комплекс. Орудия и приспособления 1–2 – костяные струги для изготовления стрел; 3–4 – костяные иглы-шильца; 5–6 – костяные крюки для ношения топора

(рис. 46 - 16). Кроме них 7 железных и одна медная дужка (рис. 46 - 1-6), 11 фрагментов или целых ушек котла (рис. 46 - 7-15), а также изделия из медных пластин: блюдо, изготовленное из днища котла (рис. 46 - 17), и 3 корытца, сложенные из медного листа подобно берестяным корытцам – «куженькам» (рис. 46 - 18, 19). Минимальное число бытовавшей у жителей городка медной посуды для статистического учета можно рассчитать по количеству непарных ушков, но такая статистика тоже будет недостоверной, поскольку совершенно очевидно, что железные детали пришедших в негодность котлов использовались как сырье для домашнего кузнечного и литейного производства. Судя по большому числу неиспользованных фрагментов котлов, обнаруженных в культурном слое, можно предполагать, что у каждой большой семьи,

населявшей один дом, одновременно могли бытовать до 10 котлов разного состояния утилизации.

Особое место занимает посуда, изготовленная из вторичного медного листа (рис. 46 – 18, 19). Очевидно, некоторые пришедшие в негодность котлы использовались для изготовления традиционной по форме посуды. В постройке N = 1 найдено корытце размером $8.5 \times 7.2 \times 1.5$ см. В составе

домашнего ритуального комплекса постройки № 5 обнаружено медное корытце размером 6,2×4,5×1,0 см. На внутренней стороне изделий – следы нагара. Аналогичные предметы известны в составе ритуального комплекса памятника на р. Гнилка, в низовьях Печоры [89. С. 74]. Не исключено, что подобные изделия были обязательным атрибутом домашней «кумирни» и несли функцию светильников.

Рис. 41. Постройка № 4. Орудия для обработки кожи из лопаток лося, условия нахождения «in situ»

Рис. 42. Вещевой комплекс. Орудия для обработки кожи. 1–3 – деревянные скребки для снятия мездры;

4 – костяной скребок для снятия мездры из метаподии северного оленя;

5–9 – орудия для вторичной обработки кожи из лопатки северного оленя; 10–12 – орудия для вторичной обработки кожи из лопатки лося

Деревянная посуда представлена корытами и ложками (рис. 44). Обнаружено 7 образцов корыт, из них одно корыто целое. Четыре экземпляра найдены в пределах постройки \mathbb{N}° 4 и коридора 3–4, один – на территории постройки \mathbb{N}° 3. Три фрагмента слишком малы, чтобы достоверно реконструировать форму корыт. По четвертому фрагменту (34×9,5 см) восстанавливается сегментовидная форма продольного и поперечного сечений. На фрагменте присутствуют следы ремонта – две части корыта соединены корнем через специально прорезанные парные отверстия (рис. 44 – 2).

Пятое корыто – целое (рис. 45 - 1). Его размеры $39 \times 19,3 \times 1,1$ см. Форма корыта в плане – подпрямоугольная, продольное и поперечное сечения – сегментовидные. С обоих концов корыта на расстоянии 6 и 7 см от края вы-

резаны неглубокие (1 см) встречные пазы – вероятно, через них продевали веревку, чтобы можно было подвешивать корыто. На дне процарапаны два изображения. Первое представляет собой квадрат со сторонами 12–14 см, разделенный на 16 клеток. Квадрат пересекают диагонали, образуя косые кресты. Второе изображение – квадрат меньших размеров, также разделенный на клетки, линии тоньше.

Среди находок есть четыре большие котловые ложки. Две обнаружены на территории постройки № 4, две – в пределах постройки № 3. Три из них представляют собой фрагменты законченных изделий. Рукояти утрачены во всех трех случаях, и лишь по одному фрагменту можно восстановить форму чаши: она имела округлые очертания, диаметр около 10 см, глубину 1,8 см. Четвертая находка – фрагмент, точнее, чаша заготовки ложки. Размер 8×6 см. Внутренняя полость чаши не выбрана.

Третью группу посуды составляет берестяная утварь (рис. 44 – 3–5). Как в постройках, так и в пространстве между ними найдено 155 фрагментов бересты с прошивкой. Из них только 19 типологически определимы и поддаются измерениям.

Берестяной цилиндрический короб (туес) для хранения пищевых продуктов представлен 19 фрагментами, в том числе 12 фрагментов днищ, 6 фрагментов стенок и 1 сосуд, состоящий из нескольких фрагментов (рис. 44 - 4, 5). Большинство находок (13 экземпляров) обнаружены в пределах постройки № 4, два сосуда – в постройке № 3, один – в постройке № 5 и три фрагмента – в коридоре 3–5 между постройками. Диаметр коробов варьируется от 17 до 35 см.

В постройке № 4 обнаружено также корытце (куженька). Оно изготовлено из берестяного листа, углы которого сложены конвертом (рис. 44 – 3). Размеры корытца 11,8×10×1,3 см.

В целом найденные образцы берестяной посуды не уникальны, однако немаловажно само присутствие здесь этих образцов. На Ямале береза, пригодная для изготовления такой посуды, не растет. Значит, жители городка либо привозили кору или готовые изделия, либо приобретали их у тех, кто проживал в ближайшей лесной зоне (река Надым, низовья Оби).

Кроме того, на территории построек и за их пределами обнаружено 30 заплат для берестяной посуды. Все они вырезаны из бересты и имеют овальную форму. На самом крупном экземпляре в технике выскабливания изображены несколько геометрических знаков. Большое количество заплат – свидетельство бережного отношения к берестяной посуде, очевидно, привезенной издалека.

Костяная посуда представлена малыми (индивидуальными) ложками из бивня мамонта (рис. 44 – 6–9). Одна найдена в галерее постройки № 1, вторая в ее центральном помещении, следующая на месте предполагаемой постройки № 6, и четвертая в постройке 4. Ложки имеют округлую черпательную часть и рукоять с отверстием для подвешивания.

Среди находок – три железных кресала (рис. 43 – 11–13). Два из них, одно целое и фрагмент, найдены внутри по-

стройки № 5. Размер целого кресала $6.8\times2,2\times0,5$ см, длина фрагментированного – 8.1 см. Еще одно найдено на территории постройки № 2. Это кресало имеет форму прямоугольной пластины размером $4\times2,5$ см. Оба относятся к овальным длинным кресалам, бытовавшим со второй половины XIII по XV в. [35. Рис. 4].

По всей территории городища были хаотично распространены огнивные камни. Четыре камня найдены в постройке № 5, один – рядом с ней, два – в постройке № 3 или рядом с ней, один в постройке № 4, два – в постройке № 1. Еще три камня обнаружены на разных участках раскопа 1. Огнивные камни представляют собой обязательную часть кресального набора; они выглядят как небольшие (не более 3 см) бруски с ретушью на торцах. Для огнивных камней использовали разновидности скрытнокристаллических кварцев серого, серо-желтого и розового цветов.

Об изготовлении и использовании жителями городка плетеных циновок из травы свидетельствует находка одного фрагмента в постройке № 4. Также из растительных волокон плели веревки. По-видимому, их использовалось немного. Всего найдено десять фрагментов веревок трехжильного и двужильного плетения.

К группе заготовок и отходов кузнечного производства можно отнести 14 находок. Предметы были обнаружены на территории всего раскопа, в основном вне построек. Внутри категории выделяется две группы предметов. Первая группа – крицы (рис. 47). Всего найдено 9 экземпляров: две крицы – в постройке № 3, одна – в постройке № 4, остальные – в коридорах или на смежных участках. Размер самой крупной крицы 9,2×7×2,7 см. Пять экземпляров отличаются очень низким качеством и непригодны к переплавке. Очевидно, они попали в городок в результате меновой торговли вместе с партией качественных криц. Кроме того, обнаружены шесть фрагментов металлургического шлака, который, видимо, попал сюда тем же путем. Вторая группа – кузнечные заготовки и отходы кузнечного производства. Кузнечные заготовки - а их найдено 12 экземпляров - представляют собой пластины, бруски или стержни размером не более 7,2×2,1 см. Обнаружены также один медный и один оловянный выплески.

В коллекции также присутствуют 24 заготовки из кости и рога, из них семь обнаружены в постройке № 5, шесть – в постройке № 3, четыре – в постройке № 4. Еще три заготовки были найдены между постройками на смежных участках и четыре заготовки были собраны с территории раскопа № 1. Эти находки представляют собой стержни или пластины из кости и рога.

3.5. Средства передвижения

Находок, позволяющих реконструировать средства передвижения жителей городка, немного. Тем не менее их коллекция дает представление о трех видах транспорта – лыжном, нартенном и водном (рис. 48).

О наличии лыж типа голиц свидетельствует единственная ступательная площадка из кожи с характерными

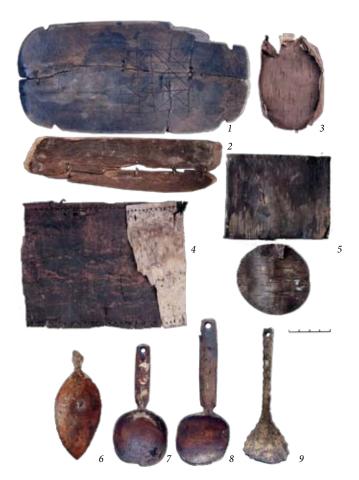

Рис. 44. Вещевой комплекс. Деревянная и костяная посуда. 1-2 – корыта из дерева; 3 – берестяное корытце (куженька); 4-5 – фрагменты берестяных коробов (туесов); 6-9 – костяные индивидуальные ложки

Рис. 45. Вещевой комплекс. Фрагмент котловой ложки и изделие невыясненного назначения, условия нахождения «in situ»

Рис. 46. Вещевой комплекс. Металлическая посуда – котлы. 1 – фрагмент медной дужки котла; 2–6 – фрагменты железных дужек котлов; 7–15 – фрагменты медных ушек котлов; 16–17 – фрагменты медных котлов; 18–19 – медные корытца (куженьки), изготовленные из старых котлов

Рис. 47. Вещевой комплекс. Заготовки кузнечного производства. 1–3 крицы

отверстиями для крепления (рис. 48 – 3). О нартенном транспорте можно судить только по деталям нарт, а именно по двум фрагментам полозьев и одному копылу (брусок, соединяющий полозья с кузовом). По пропорциям и форме копыльев этот транспорт соответствует таежному варианту современных косокопыльных нарт [19. С. 20, табл. I – 11, 12; 25. С. 177, рис. 3.57 - 1-4]. Эти нарты, судя по их форме и размерам полозьев, принадлежали типу собачьих или ручных нарт (рис. 50 - 1, 2). Косвенно на это указывает и полное отсутствие оленьей упряжи.

Водный транспорт представлен тремя находками. Вопервых, это большой фрагмент лодки из цельного ствола дерева. Им была выстлана южная часть пространства у очага постройки № 5 (рис. 49). Толщина борта 1 см, на корпусе многочисленные швы, свидетельствующие о неоднократном ремонте, и следы от технологических отверстий для измерения толщины, закрытых штифтами. Очевидно, это часть пришедшей в негодность лодки наподобие обласа, изготовленной из цельного ствола осины. Такие лодки бытуют у хантов средней Оби и хорошо известны по этнографической литературе. Наиболее ранние достоверные экземпляры были обнаружены при раскопках Надымского городка в слое XVI в. [19. С. 20, табл. I – 11, 12; 25. С. 177, рис. 3.57 – 1-4]. Еще одна находка - поперечная перекладина лодки в виде массивного деревянного стержня овального сечения с цилиндрическим штифтом, крепившим поперечину в борт лодки. Длина фрагмента 40 см. Поперечина частично утрачена, поэтому восстановить ширину лодки невозможно. Третья находка - весло, точнее, фрагменты лопасти весла и Т-образная рукоять (рис. 48 – 4). Лопасть имела форму вытянутого овала или прямоугольника со сглаженными углами. При отсутствии сырья - древесины для изготовления лодок, специфического набора инструментов, а также особой технологии изготовления, лодки для жителей городка были дорогой вещью, привезенной издалека.

Около 350 предметов из кости, рога, дерева, бересты и железа не удалось достоверно идентифицировать по причине их фрагментарности.

Рис. 48. Вещевой комплекс. Средства передвижения. 1 – фрагмент полоза нарты; 2 – копыло от косокопыльной (собачьей) нарты таежного варианта; 3 – кожаная ступательная площадка лыжи-голицы; 4 – деревянная рукоять весла

Рис. 49. Вещевой комплекс. Средства передвижения. Фрагменты борта лодки (обласа), уложенные перед очагом постройки № 5, условия нахождения «in situ»

Глава 4. **ТОРГОВЛЯ ЖИТЕЛЕЙ БУХТА НАХОДКА**

Торговля – немаловажный фактор, оказывающий большое влияние на культуру любого народа. В период позднего Средневековья взаимоотношения коренного населения Северо-Западной Сибири, в том числе полуострова Ямал, с другими народами и государствами характеризуются как меновая торговля, не предусматривавшая денег в качестве платежного средства. До недавнего времени об этом разделе экономики жителей арктических регионов мы могли судить в основном по отрывочным летописным данным и отдельным находкам импортных предметов роскоши – произведений средневековых восточных и русских мастеров-ювелиров [15; 71. С. 91–101].

Археологическая коллекция городища Бухта Находка, полученная в результате исследований 2006–2008 гг., включает более 1,5 тыс. предметов и фрагментов. При этом 30–40% коллекции – импортные изделия и их фрагменты. Новые материалы раскопок позволяют значительно дополнить представления о торгово-меновых, в частности межрегиональных, отношениях аборигенов Субарктики в XIII–XIV вв.

Половину всех импортных изделий составляет продукция металлургического и кузнечного производства. До настоящего времени на севере Западной Сибири не обнаружено ни одного памятника, достоверно подтверждающего наличие металлургии железа у средневекового аборигенного населения. И если в таежной зоне для металлургического производства и существуют природные предпосылки, такие как наличие древесины и руды, то в условиях ямальской тундры для металлургического производства таких условий нет. В этой связи отсутствие собственного железоделательного производства у жителей городка определяет импортное происхождение всех железных изделий, найденных при раскопках. Однако в большинстве случаев по фрагментам крайне сложно определить, какие из этих изделий были привезены в готовой форме, то есть получены в результате межрегионального обмена, а какие изготовлены на месте из импортных криц или перекованы из других изделий.

Продукция металлургического производства представлена фрагментами крицы и шлака (рис. 47). Судя по низкому содержанию железа их можно определить как шлакокрицы. Поскольку по внешнему виду они мало отличаются от качественных криц, можно предположить, что их продавали вместе, а выбраковка осуществлялась только в процессе кузнечной обработки уже на поселении. По археологическим данным, производство кричного железа было широко распространено среди населения Восточной Европы, в частности северорусского [10. С. 245]. Продук-

ция кузнечного производства, которую достоверно можно связывать с импортным происхождением, представлена шестью категориями изделий: топоры, кресала, швейные иглы, кольчужный панцирь, ременная гарнитура (элементы поясных или уздечных наборов из железа), навесной замок и ключи. Часть этих изделий описана выше (см. главу 3).

Замки и ключи представлены тремя изделиями. Один ключ найден в галерее постройки № 1; он относится к типу А (по классификации Б. А. Колчина) цилиндрических ключей (рис. 50 - 1) и датируется второй четвертью Х – первой четвертью XIII в. (925–1225 гг.) [35. С. 160, рис. 3]. На территории этой же постройки был обнаружен навесной замок (рис. 50 - 3–4). Второй ключ находился в центральном помещении постройки № 2 (рис. 50 - 2). Эти ключ и замок относятся к типу Б (по классификации Б. А. Колчина) и датируются XII – серединой XIV в. (1100–1350 гг.) [35. С. 160, рис. 3].

Элементов ременного (уздечного) набора - 12. Это ременные накладки, наконечники и пряжка без декора (рис. 50 – 5-13). Принадлежность их к кругу аскизских древностей не вызывает сомнения [42]. Однако сам по себе этот факт не говорит о прямых контактах населения Ямала с Южной Сибирью, где локализуется аскизская культура. Изделия аскизского типа нередко встречаются на памятниках Восточной Европы XI-XIV вв. и в целом распространены на территории расселения мордвы-эрзи, муромы, хазарско-булгаро-мордовского населения Посурья, собственно Булгарии, а также среди некоторых марийских племен и северных удмуртов [57. С. 25]. Подобные изделия появляются и на территории Древней Руси, куда они попадают из булгарских ремесленных центров не позднее начала XII в. [57. С. 26; 42. С. 72; 3. С. 30, рис. 16 – 9]. Версия восточноевропейского происхождения накладок из городища Бухта Находка подтверждается сегментовидным сечением накладок. Это не типично для наконечников собственно аскизской культуры XIII-XIV вв. и наиболее характерно для поволжских образцов [42. С. 59; 57. С. 26]. Использование таких изделий жителями городка даже в качестве украшений не совсем понятно, в первую очередь потому, что такого количества аскизкой ременной гарнитуры на других памятниках Северо-Западной Сибири не известно.

Продукция медницкого производства, описанная выше, представлена фрагментами и деталями медных котлов (рис. 46, 52). Диаметр котлов, восстанавливаемый по диаметру днища и длине дужек, составлял от 8 до 35 см. Котлы собраны из медных листов двумя типами соединений: «в зубец» и клепкой. Ушки котлов изготовлены из медного и в двух случаях железного дрота или пластины.

Рис. 50. Вещевой комплекс. Импортные изделия кузнечного производства 1-2 – железные ключи; 3-4 – железный навесной замок; 5-12 - железные ременные накладки; 13 – железная пряжка

Ушки, являющиеся датирующим признаком для котлов, фрагментированы, а потому их идентификация возможна только в 6 случаях (из 11 фрагментов). Определение и датировка котлов осуществляется на основе типологической схемы К. А. Руденко.

Ушко типа «а» (1 экз.) выковано из круглого в сечении медного дрота диаметром 0,25 см. Концы ушка разведены незначительно (расстояние между ними составляет 2,1 см) и слегка приплюснуты для одной заклепки. Заклепки, которыми ушко крепилось к котлу, сохранились – они также изготовлены из меди. Маленькие ушки по классификации К. А. Руденко соответствуют котлам типов M-1, M-2 и M-3 и датируются X-XI вв. [56. С. 73].

Ушки типа «б» (5 экз.) изготовлены из медного дрота, раскованного под две заклепки в виде двух овалов. Такие ушки соответствуют котлам типа М-4, бытовавшим с XII в. и рудиментарно сохранявшимся в XIV в. [56. С. 31–32, 73–74]. Остальные ушки фрагментированы и не поддаются идентификации.

Волжская Булгария с конца XI–XII вв. снабжала медными котлами всю Восточную Европу [66. С. 103], а потому булгарская продукция медницкого производства вполне могла попасть в городище Бухта Находка и с территории Руси. Правда следует заметить, что в таком случае путь товара становился слишком долгим и трудным, что явно отражалось на его стоимости. Поэтому не следует исключать возможность наличия северорусских производственных центров, работавших на привозной меди.

Продукция текстильного производства также импортировалась в городок, причем по большей части в виде готовых изделий. Правда, число находок пока невелико. Это фрагмент рукава и вязаное изделие, возможно носок. Их описание приведено выше (рис. 29 - 4 - 6). Скорее всего, текстильные изделия привозились из древнерусских городов, где ткачество было широко развито.

В городок поступали также готовые изделия из кожи, в частности обувь. Об этом можно судить по обнаруженным

Рис. 51. Вещевой комплекс. Импортные предметы. 1-15 – стеклянные бусы; 16-17 – янтарные бусы

Рис. 52. Постройка № 2. Медный котел, условия нахождения «in situ»

на территории городка 12 лоскутам из хорошо выделанной дубленой телячьей кожи (рис. 29 – 7–11). Три фрагмента на внешней стороне имеют следы тиснения «под овсянку» - такой технологический прием был широко распространен на Руси с XII века. По мнению А. В. Курбатова, местом изготовления этой кожи следует считать городские центры Северной Руси. Объем импорта кожи из производственных центров Волжской Булгарии на Русь, по археологическим данным псковских и тверских раскопок, был невелик: всего два-три изделия на несколько тысяч [41]. Очевидно, кожевенное производство на Руси было развитой отраслью ремесленного производства. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки на территории всех древнерусских городов, в том числе не только сами изделия, но и ремесленные мастерские [10. С. 269].

Дифференциация импортной ювелирной продукции, в частности литейной, на привезенные изделия и местные подражания по привезенным образцам также является непростой задачей, как и в случае с предметами кузнечного производства. Из 23 предметов лишь 9 изделий можно достоверно отнести к импортным. Это предметы из серебра и бронзовые украшения, отлитые по восковым моделям.

В галерее постройки № 1 найден серебряный перстень с ажурным решетчатым щитком (во фрагменте) шириной 1,6 см (рис. 31 – 7). В европейской России решетчатые перстни относятся к вятическим украшениям и датируются XII–XIII вв. Материалы Дураковского комплекса поселений на реке Оке, у Рязани, где найдено 4 таких перстня, позволяют расширить этот период до XIV в. [66. С. 271, 280, рис. 7 – 12, 17].

Вторая группа импортных предметов – бронзовые украшения. В основном это фрагменты и детали сложных украшений в виде подвесок с цепочками и бубенчиками. Есть в коллекции подвеска в форме полумесяца («лунница»), обнаружена в северо-восточном углу постройки \mathbb{N} 2. Форма «лунницы» – замкнутая (концы соединены) (рис. 31-8). Этот тип украшений был довольно широко распространен на Руси с рубежа XII–XIII до конца XIII в. [60. С. 24, рис. 6-10-12]. Однако в период с середины XIII по первую четверть XIV в. «лунницы» и другие виды украшений, отлитых по восковым моделям, часто встречаются и в погребальных комплексах Северо-Западной Сибири [79. С. 60-65, рис. 20-9].

В городок поступала также продукция стеклоделательного производства. Обнаружено 16 экземпляров бусин (рис. 51). Голубые округлые зонные бусины и бусины кольцевидные, выполненные из полупрозрачного стекла, по материалам раскопок на Кубенском озере датируются концом XI–XIII вв. [3. Т. 2, с. 187, табл. 86]. Наиболее примечательна бочонковидная ребристая бусина черного непрозрачного стекла с желтыми ободками и выпуклым узором в виде широкого белого зигзага (рис. 51 – 11). Такие же бусины на северорусских памятниках датируются

второй половиной XII-XIII вв. [3. Табл. 86]. Шаровидные и крупные зонные бусины бледно-желтого цвета из прозрачного и полупрозрачного стекла по аналогии с древнерусскими и болгарскими бусами (русское происхождение последних подтвердил спектральный анализ химического состава стекла [6. С. 60]) датируются концом XI – началом (первой третью) XIII века [87. С. 165; 6. С. 60; 3. Т. 2, с. 197, табл. 87]. Две бусины темно-коричневого и желтого янтаря (последняя представлена фрагментом) имеют форму эллипса с усеченными концами и четыре слабо выраженные грани (рис. 51 – 16, 17). Аналогичные находки встречаются на территории Волжской Булгарии того же периода (Билярское городище). Изготовлением украшений из янтаря здесь занимались русские ремесленники [7. Рис. 46 – 1; 78. С. 103]. Подобная бусина была обнаружена на памятнике X - XIII вв. Минино I [3. Т. 2, рис. 177].

Таким образом, среди находок выделяется достаточно большая группа изделий, полученных в результате межрегионального обмена. В связи с этим возникает несколько вопросов о характере и направлениях торговых связей. В числе первых следует отметить проблему определения торгово-ремесленных центров, продукцию которых использовали в торгово-меновых отношениях с населением городища Бухта Находка. Другая проблема – каким образом и где происходил обмен: у поселения или на особом месте в форме немой торговли или открытого и непосредственного торга.

На современном этапе исследований относительно достоверно можно определить лишь производственные центры. Не вызывает сомнений, что значительная часть импортных товаров, в частности ременные накладки, медные котлы и, вполне вероятно, часть стеклянных бус, произведены в поволжских городах. Вместе с тем ряд фактов указывают еще на одного торгового партнера аборигенов Ямала – это население Северной Руси. В настоящий момент к находкам, подтверждающим непосредственное участие северорусского населения в меновой торговле с жителями Ямала, можно отнести кожаные изделия, замок с ключами, стеклянные бусины, решетчатый перстень вятического типа, янтарные бусы – первые на территории Нижнего Приобъя.

Отсутствие серебряной посуды и ювелирных украшений времен Золотой Орды заставляет усомниться в непосредственных торговых связях Поволжских и Прикамских ремесленных центров этого времени с населением Нижнего Приобья.

Новые археологические материалы городища Бухта Находка отчасти согласуются с широко известными сведениями из русских летописей о меновой торговле с коренными жителями Севера [54. С. 227]. Одновременно новые данные корректируют представление об ассортименте товаров, которые поступали на Ямал в XIII – первой трети XIV в. в результате межрегиональной торговли.

Остается неясным, была ли эта торговля прямой или опосредованной. Некоторые предположения могут быть высказаны в связи с найденными замком и ключами. Жители городка вряд ли использовали эти предметы по назначению. Ни дверей, ни сундуков, да и вообще традиции запирания на замок здесь не было. Использование замка и ключей в качестве кузнечных заготовок также сомнительно, поскольку это предметы дорогостоящие. Единственной логичной версией представляется ношение их в качестве атрибутов статуса - поясных подвесок. Теоретически такой способ использования ключей обитатели Бухты Находка могли заимствовать у приезжих торговцев, если контактировали с ними лично. На эту же мысль наводит и приобретение жителями городка железной ременной гарнитуры, которую сложно использовать в качестве украшения костюма. Вероятно, накладки выменивали как некий статусный предмет, и, судя по находке пряжки и накладки в составе домашнего святилища, для особого приношения семейному духу-покровителю.

Анализ предметов, найденных при раскопках городища Бухта Находка, позволяет сделать некоторые выводы относительно сферы торговли. Во-первых, в числе торговцев, непосредственно осуществлявших торговые экспедиции в Западно-Сибирскую Арктику, для нас очевидно присутствие северорусского населения Восточной Европы. Во-вторых, эти отношения не были грабительскими данническими, как представляется по некоторым источникам [53. С. 40–42; 54. с. 227], но носили характер регулярных торговых связей и удовлетворяли разнообразные потребности коренного населения.

Очевидно, эти отношения обусловлены активизацией северо-восточного направления торговли Северной Руси в середине XIII в. Именно с этого времени Югра упоминается в числе волостей Великого Новгорода, например, в договорной грамоте великих князей Московских и Тверских и Новгорода Великого 1265 года. Материалы из Бухты Находка свидетельствуют о том, что владение этой волостью было не только номинальным, но что уже в XIII–XIV вв. появились торгово-меновые контакты между аборигенами Ямала и русскими. Эти выводы имеют большое значение при изучении истории русской колонизации Сибири и Заполярья.

Глава 5. ХОЗЯЙСТВО СИХИРТЯ

До настоящего времени не сформировалось единого мнения о традиционном хозяйстве средневекового населения полуострова Ямал, и параллельно продолжает существовать несколько разных точек зрения ученых [80; 44; 74; 73; 38]. Причина этого, на наш взгляд, кроется в недостаточном числе источников для решения данной проблемы, ведь археологических памятников, изученных стационарными раскопками, на такой обширной территории единицы. Последние исследования городища Бухта Находка позволяют отчасти пролить свет на эту проблему, так как дают новый фактический материал, который анализируется с использованием экологических и этнографических данных.

Биоценозы тундровой зоны, где находится городок, сохранились за последнее тысячелетие практически без изменений. Только в составе фауны популяцию дикого северного оленя заменили стада домашнего. В замерзшем культурном слое городка сохранились остатки практически всех растений и животных, попадавших сюда в результате хозяйственной деятельности населения. И если наличие остатков каких-либо видов животных и растений говорит об их использовании населением, то и отсутствие таковых означает, что тот или иной вид, обитавший на этой территории, не был включен в круг интересов жителей городка по тем или иным причинам.

В процессе раскопок собрана коллекция остеологического материала, всего 6504 экземпляра, позволяющая определить, какие виды животных были включены в хозяйственную деятельность жителей, и количественно обозначить соотношение этих видов. Костные остатки животных происходят из одного хронологического гори-

зонта. По площади раскопа они расположены равномерно, зафиксировано только два скопления костей песца. Большая часть костей является кухонными остатками, а также заготовками или отходами от производства различных орудий. Из-за пожара около 20% остеологической коллекции представлено фрагментами сильно раздробленных кальцинированных костей, которые отнесены нами к категории неопределимых (табл. 1).

Более половины общего числа костных остатков принадлежит северному оленю (табл. 1, рис. 54 - 1). Полное отсутствие деталей оленьей упряжи в жилищах, два из которых раскопаны полностью, а также деталей оленных нарт, позволяет отнести все кости оленя к дикой форме. Значит, северный олень был основным промысловым видом у жителей городка. Его массовая доля от числа добываемых млекопитающих составляла около 65%. Судя по соотношению частей скелета, на поселении разделывали и использовали всю тушу животного, но небольшое количество частей головы и первых шейных позвонков (при большом количестве рогов) говорит о том, что головы утилизировали отдельно. Возможно, этот факт свидетельствует об использовании оленьих голов в ритуальной практике за пределами поселения. Столь большая доля костей северного оленя однозначно определяет его как основной пищевой и сырьевой вид, обеспечивавший жителей городка как продуктами питания, так и сырьем для изготовления орудий и одежды.

Следующий по количеству костных остатков вид – песец (табл. 1, рис. 54 - 2). Число фрагментов его костей 1775 экземпляров, что в общей массе составляет около трети (27%). Показательно соотношение частей скеле-

Рис. 53. Домашние животные. Сибирская лайка – хаска (слева), упряжная сибирская лайка

та этого вида. В отличие от северного оленя количество костей головы составляет половину всех костных остатков этого вида, причем в основном это нижние челюсти. Судя по обнаруженному нами в постройке № 5 алтарю, головы песца хранились в домашней кумирне и, очевидно, все найденные в жилищах черепа имели аналогичную принадлежность. Молодым особям принадлежит лишь 1,5% костных остатков, следовательно, промысел этого вида велся в зимнее время на территории в окрестностях городка. Этнографические данные свидетельствуют о том, что во время дефицита пищевых ресурсов песца употребляли в пищу и заготавливали на голодное время, но все же основная направленность этого промысла была, безусловно, товарной, и это подтверждается большой массой импортных предметов в вещевом комплексе городка. Интересно отметить, что доля костей песца среди костных остатков других видов животных соответствует процентной доле привозных предметов в вещевом комплексе, хотя прямая связь, на наш взгляд, отсутствует.

Нерпа занимает третью позицию по количеству костей среди млекопитающих – 251 экземпляр (табл. 1, рис. 54 – 3). Нерпа и лахтак (морской заяц) – морские млекопитающие, которые периодически заходят в Обскую губу и крупные реки за рыбой [50]. Среди костных остатков нерпы есть все части скелета, но в отличие от предыдущих видов 50% костей нерпы – от молодых животных. Промысел нерпы представляется более трудоемким и менее эффективным, чем промысел северного оленя или песца. Не исключено, что ее добывали попутно с рыбной ловлей для получения нерпичьего жира.

Кроме того, обнаружены единичные кости таких промысловых видов как заяц, лисица, волк, росомаха, соболь, лось (табл. 1). Их количество не превышает 6% от общего числа костных остатков млекопитающих. Это позволяет судить о том, что данные виды не имели специализированной промысловой направленности, и часть из них могла попасть в слой относительно случайно. Так, из 10 костей лося 8 – целые или фрагменты лопаток, служившие орудиями для обработки кожи.

Из числа безусловно домашних видов в культурном слое городища обнаружено небольшое количество костей собак – 28 экземпляров (рис. 53). Большая часть костей сосредоточена в постройках 2 и 4 (табл. 1). Здесь найдены части всех отделов скелета. Попадание костей собаки в культурный слой неслучайно и возможно связано с ритуальной практикой захоронения собак на поселениях и в жилищах. Находки полоза и копыльев от собачьих косокопыльных нарт таежного варианта позволяют говорить об использовании населением городка собачьего нартенного транспорта, хотя его транспортная доля не была велика.

Среди других групп животных наибольшее количество костей принадлежит рыбе (табл. 1), причем 70–80% – это кости осетровых, сравнимых по массе с крупными млекопитающими (рис. 54 – 4). Интересен факт небольшого

Рис. 54. Промысловые животные. 1 – северный олень; 2 – песец; 3 – сибирская нерпа; 4 – сибирский осетр

. 1

количества крупных лососевых (нельмы) и отсутствия костей таких сиговых как щекур и муксун – видов, которые в изобилии водятся в реке Хардэ-яха и Обской губе в настоящее время. От общего числа костных остатков доля рыбы составляет около 9%. В сравнении с материалами других памятников, например Надымским городком, где доля рыбы не превышает 5% это свидетельствует о важном значении зимнего рыбного промысла в хозяйстве жителей городка.

Костных остатков птиц при большом видовом разнообразии крайне мало. Они составляют немногим более 2% (табл. 1). Большая их часть принадлежит водоплавающей птице (гуси, утки и др.), лишь несколько костей принадлежат белой куропатке. Этот факт говорит о том, что в зимнее время промысел птицы практически не велся, а в летнее время, когда в окрестностях городка появляются перелетные птицы, основное число жителей покидало городок.

Анализ костного материала позволяет нам реконструировать хозяйственную и промысловую деятельность жителей городка и в первую очередь определить основной сезон его функционирования. Отсутствие таких массовых промысловых видов как заяц-беляк и белая куропатка говорит об осенне-зимнем периоде функционирования городка, времени, когда происходят массовые зимние

Таблица 1. Видовой состав костных остатков из раскопок городища Бухта Находка (2007–2008 гг.)

Виды/объекты городища	постр. 1	постр. 2	постр. 3	постр. 4	постр. 5	постр. 6(?)	меж. постр.	всего
Северный олень	668	604	319	176	213	129	356	2465
Песец	346	445	141	165	299	70	309	1775
Нерпа	53	79	14	17	21	24	43	251
Заяц	3	5	1	4	10		1	24
Лось	1	3	1		1	1	3	10
Лисица		2	1	1	2			6
Волк	1	1			1			3
Соболь					1		1	2
Росомаха							2	2
Бобр		1						1
Лахтак/Кит	1	1	2				1	5
Собака	4	9		8	1	4	2	28
Свинья*							1	1
Млекопитающие indet.**	600	450	8	12	4	15	106	1195
Рыба ***	122	111	40	75	33	49	145	575
Лебедь кликун	1	5	4	9	2		4	25
Лебедь малый		1		2	1		2	6
Гусь белолобый		4				1	4	9
Гусь гуменник		2		2		1		5
Гусь пискулька		1	2	4			2	9
Куропатка тундряная	1	8			6		1	16
Гагара краснозобая	2			2		2		6
Гагара чернозобая	2			1		1	1	5
Гагара белоклювая		1		1		1		3
Казарка краснозобая				1			1	2
Утка морянка		1		1			2	4
Утка шилохвость	1							1
Утка sp.	1					1	2	4
Сова белая					3		1	4
Турухтан	1	1	1				3	6
Птица indet.	4	37		1	12		2	56
Всего	1813	1773	534	482	610	299	995	6504

^{* –} свинья представлена зубом в слое дерна, куда он мог попасть в 50–60 гг. XX в.;

^{**} – ближе не определимые, из них 90% кальцинированные фрагменты костей северного оленя;

^{*** –} определение не закончено, но около 70–80% составляют кости осетровых пород.

миграции этих видов из тундры в лесотундру. Небольшое количество костей перелетных птиц позволяет утверждать, что жители покидали городок на летний период – с мая по октябрь.

Основным промыслом населения городка была охота на дикого северного оленя. Это подтверждается большим количеством фрагментов клееных луков и наконечников стрел с высокой проникающей способностью. Очевидно, дикий северный олень был главным пищевым видом, охота на него велась круглогодично – осенью и зимой в окрестностях городка, а весной и летом население откочевывало вслед за ним на север полуострова Ямал. Домашнее оленеводство у жителей городка отсутствовало.

Следующим по значимости занятием населения была пушная охота на песца. Судя по большому количеству добываемых особей, охота продолжалась весь осенне-зимний период. Основной целью этой охоты было получение шкурок для меновой торговли.

Третьим основным занятием был лов рыбы (осетровых) и связанный с ним промысел морских млекопитающих. Это подтверждается находками рыболовных принадлежностей (грузил, игл для вязания сетей, больших крючьев). Осетров зимой жители могли добывать в осетровой яме, о наличии которой в бухте Находка известно по сей день. Массовый целенаправленный промысел осетра, видимо, был связан не только с получением пищевого продукта, но и с необходимостью получения осетрового клея. Этот клей был особо необходим для изготовления клееных охотничьих луков, также он мог быть предметом меновой торговли.

В поселке Бухта Находка во время полевых работ Л. П. Лашуком была записана информация о древних аборигенах Ямала сихиртя, живших «тысячу» лет назад. Ненцы описывали их как людей очень низкого роста, но корена-

стых и крепких. Подчеркивали отличия от современных ненцев: домашних оленей не держали, охотились на оленей-«дикарей», носили иную одежду, например, не имели распашной одежды из оленьих шкур, одевались в шкуры морских животных, их жилищами были недра возвышенных сопок. Под землею они ездили на собаках [44. С. 189–192]. В качестве дополнения и уточнения характеристики хозяйственно-культурного типа сихиртя можно привести мнение В. Н. Чернецова, который писал, что «хозяйство, материальная культура, вероятно, и быт древних обитателей Ямала были близки хозяйству, культуре и быту эскимосов и сидячих чукчей», т. е. они были оседлыми морскими зверобоями, летом промышлявшими также дикого оленя, линного гуся и рыбу по рекам и озерам в глубине тундры [83. С. 241]. Л. П. Лашук считал, что носители средневековой арктической культуры были прежде всего охотниками на дикого оленя и рыболовами, кочевавшими в зависимости от времени года от границ тайги до морского побережья, где занимались также промыслом морских зверей. Самодийцы, пришедшие в тундру из таежной зоны и не знавшие до этого морского промысла, частично заимствовали его от аборигенов [44. С. 191-192].

Приведенные мнения информаторов и исследователей следует охарактеризовать как общие и в целом дополняющие друг друга. Новые остеологические материалы, полученные нами в результате раскопок, позволяют не только подтвердить мнение известных исследователей Севера и констатировать, что в ненецких «легендах о сихиртя» много правдивой информации, но и в значительной степени дополнить общую характеристику хозяйства древних аборигенов Арктики значимыми деталями. Именно полная характеристика экономики жителей городка в Бухте Находка позволит создать этнокультурную модель общества древнего населения севера Западной Сибири.

Глава 6. РЕЛИГИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДКА

Религиозная сфера жизни любого древнего населения, не имевшего письменности, восстанавливается лишь по следам ритуальной деятельности и отдельным сакральным предметам. При этом воссоздание архаичной религии в целом остается задачей практически не разрешимой. На основе анализа артефактов, обнаруженных при раскопках, мы можем лишь отчасти раскрыть форму отдельных ритуалов и воспроизвести некоторые тайны религиозного мировоззрения древних народов. Анализируя материалы, полученные при раскопках городища в Бухте Находка, мы можем сделать ряд предположений и конкретных выводов о религии его населения.

Общеизвестно особое, сакральное, отношение к голове – черепу животного у большинства народов мира. И сейчас такая традиция бытует у народов Севера – ненцев и хантов,

сохранивших традиционный уклад жизни. В материальном плане она выражается в приношении головы жертвенного животного на общинном культовом месте в дар божествам. Приведенный выше анализ костных остатков из раскопок городища (незначительное число костей черепа по отношению к другим частям скелета северного оленя) позволяет предполагать наличие подобного культового места, располагавшегося за пределами поселения. Очевидно, что именно на таком месте могли оставляться головы оленей, добытых жителями городка в Бухте Находка. Как далеко от поселения мог находиться такой ритуальный комплекс, не известно, но возможность его наличия в свою очередь позволяет предполагать, что промысел дикого северного оленя был общинным занятием всех жителей городка.

Рис. 55. Ритуальный комплекс – «домашняя кумирня» в постройке № 5. Общий вид с севера

Рис. 56. Ритуальный комплекс – «домашняя кумирня» в постройке № 5. Общий вид c запада

Рис. 57. Центральная часть домашней «кумирни» в постройке № 5. Бронзовая личина, условия нахождения «in situ»

TO SOLD TO SOL

Это предположение косвенно подтверждается наличием домашних, по-видимому, семейно-родовых святилищ. В постройке № 5 были обнаружены остатки почти целого по составу ритуального комплекса (рис. 55). Он находился у южной наружной стены, т. е. в обходной галерее дома. При раскопках он представлял собой хаотичное нагромождение костей животных (частей головы песца) и предметов (рис. 56). В центральной части этого комплекса находилось антропоморфное изображение древнего божества. Фигурка общим размером 13,0x3,7x1,0 см состоит из двух частей: деревянного туловища и бронзовой личины (рис. 57, 58 – 1).

Туловище фигурки плоское, овальной формы, в верхней части сформирована шея, ноги широко расставлены и изогнуты в форме овала. Одна нога утрачена. На лицевой стороне туловища прорезаны руки с расставленными пальцами. Внизу туловища изображен овал. Между ног вырезано изображение мужского полового органа.

Бронзовая личина округлой формы, плоская, в нижней части к ней примыкают непропорционально маленькие руки и ноги. Длинный нос, прямые брови, глаза и рот переданы тонкими рельефными валиками. Личина монтировалась к туловищу веревочкой, которую пропускали через отверстие, прорезанное в деревянной основе (на груди). Такие бронзовые личины были широко распространены на территории Северо-Западной Сибири с раннего железного века (середина I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.) Они хорошо известны по находкам в составе различных ритуальных комплексов, таких как «Холмогорский клад», «Агрнъеган 1», «Соровской» [16; 21; 26]. Совершенно очевидно, что эта личина была случайно найдена жителями городка и использована в качестве важной детали кумира.

К атрибутам этого домашнего идола нами отнесен ряд предметов, выбивающийся своим составом и формой из числа остальных бытовых находок (рис. 58). Во-первых, это фрагмент раннесредневекового керамического сосуда - целый поддон (рис. 58 – 2). Его диаметр 6,9 см, высота 2 см, край орнаментирован наколами гребенчатого штампа. Такие поддоны известны среди материалов Зеленогорской археологической культуры и бытовали в середине I тыс. н. э. [79. С. 48-51, рис. 15]. Такой поддон могли найти на одной из разрушающихся раннесредневековых стоянок, которых довольно много по берегам Бухты Находка. Вероятно, его восприняли как некое блюдо и сделали атрибутом домашнего духа. Миниатюрные размеры (4,8х3,5х3,3 см) овальной чаши, вырезанной из березового капа, не оставляют сомнения в ее культовой принадлежности. Возможно, она должна была использоваться для ритуального кормления духа.

Также отношение к скульптурке божества определено для группы других предметов, обнаруженных в комплексе (рис. 58 - 3–11). Это деревянный гребень с пятью зубцами обычного размера без орнамента. Деревянная модель стрелы длиной 25 см с треугольным наконечником. Железная обойма деревянных ножен сабли с круглым кольцом, очевидно импортного происхождения. Костяной наконечник стрелы в форме вытянутого треугольника, кресало,

Рис. 58. Ритуальный комплекс постройки № 5. Объекты культа и принадлежности «домашней кумирни». 1 – деревянная скульптура божества с бронзовой личиной; 2–6 принадлежности почитаемого «духа»: 2 – керамическое блюдце из поддона раннесредневекового сосуда V–VIIвв.; 3 – железная обойма ножен (сабли?); 4 – чаша из березового капа; 5 – деревянная модель стрелы; 6 – корытце из медного листа; 7 – деревянный гребень; 8 – костяной наконечник стрелы; 9 – железное кресало; 10 – железная ременная накладка;

11 - железная пряжка

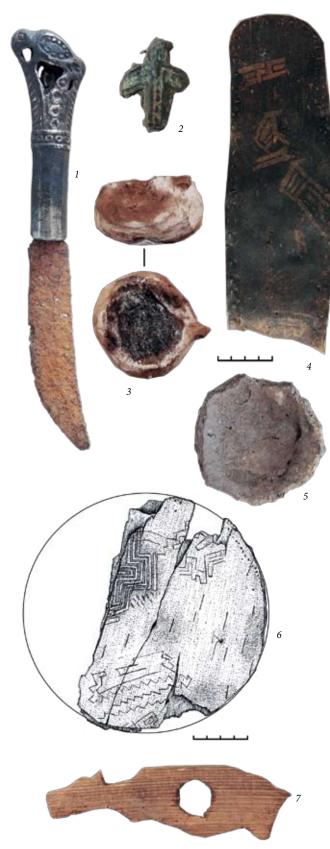

Рис. 59. Ритуальные и вотивные предметы. 1 – железный нож с бронзовой рукоятью из домашнего святилища постройки № 2;

- 2 бронзовое птероморфное изображение из постройки № 3;
 - 3 миниатюрная модель ковшика из постройки №4;
- 4 фрагмент заплаты (?) берестяного изделия с изображениями животных и знаком; 5 керамическое блюдо из поддона средневекового сосуда V–VII вв.; 6 донце берестяного короба с крестообразным знаком и граффити; 7 фигура животного «тос-чер-вой»

железная пряжка и ременной наконечник уздечного набора. Роль этих предметов не ясна, но возможно каждый из них имел какое-то значение в ритуале. Не исключено, что некоторые из них, например импортные изделия (обойма ножен, детали ременной гарнитуры), полученные в результате обмена, можно считать специфическими приношениями домашнему божеству.

Кроме вещей в комплекс входили костные остатки животных (рис. 55, 56). Всего в жилище № 5 с участка Е/45 собраны 207 костей и отдельных частей скелетов животных (Табл. 2). 80% этого массива составляют кости песца, в том числе 66 целых черепов и их фрагментов и два почти полных скелета. Также представлены кости северного оленя, нерпы, зайца и птиц. В числе последних пять костей очевидно от одной куропатки: череп, позвонок, таз, кости ноги и крыла. Доминирование черепов песца определяет их особую сакральную значимость. В этнографии некоторых народов Севера, в частности хантов, известна традиция собирать и хранить черепа зайца до следующего сезона для обеспечения удачи в промысле [18. С. 69–71]. Не исключено, что такая традиция бытовала и у жителей городка.

По-видимому, в постройке № 5 домашняя кумирня с изображением божества изначально располагалась на какой-либо полке, закрепленной на стене. Вокруг изображения были подвешены связки песцовых черепов. Может быть, какая-то полка предусматривалась для размещения целых тушек и животных или частей в качестве ритуальной пищи.

По причине позднейших перекопов и пожаров, нарушивших верхний культурный слой городища, далеко не во всех постройках ритуальные комплексы сохранились в полном составе. Тем не менее ряд находок, таких как нога антропоморфной фигурки у северной стены постройки \mathbb{N}^2 2, железный нож с бронзовой рукоятью и зооморфным навершием (рис. 59-1), найденный там же, целый поддон небольшого керамического сосуда в постройке \mathbb{N}^2 1 (рис. 59-5), единичные фрагменты раннесредневековых сосудов в постройках, бронзовые изделия и изображения более раннего времени, миниатюрные модели предметов и, главное, скопления черепов песца позволяют однозначно заключить, что каждый дом имел свой алтарь.

Всего в жилых постройках городища найдено 5 миниатюрных моделей топоров из рога и дерева (рис. 60 - 1 - 4). Все они имеют близкие размеры и форму. Идентифицировать даже некоторые из них в качестве детских игрушек, как, например, модели топоров Надымского городка, вряд ли возможно. Надымские топорики имеют большой диапазон размеров и однозначные следы использования [25. С. 183 - 184, рис. 3.65]. Кроме топориков в пределах постройки № 4 найдены деревянные модели стрел, древко и наконечник которых изготовлены из единого массива древесины. Длина обеих стрел не превышает 20 см. К набору предметов домашних божниц мы отнесли модель бытового ножа и модель миниатюрного (3,3x3,0x1,8 см) ковшика с рукоятью из березового капа (рис. 56 - 3). Очевидно, религиозную функцию имело

бронзовое литое украшение, изображающее птицу (сову?) в фас, с распахнутыми крыльями и длинным хвостом (рис. 59 – 2). Изображение украшено рядом «жемчужин». С обратной стороны отлита петелька для подвешивания. Подобные изображения типичны для первой половины I тысячелетия н. э. [14. С 118, рис. 42 – 2; 15. С. 132, рис. 56].

Также к группе сакральных или ритуальных предметов мы относим единственную фигурку «тос-чер-вой» (рис. 59 – 7). Изделие представляет собой контурное изображение животного (оленя?) размером 9,0х2,7 см, вырезанное из тонкой дощечки. В центре изображения круглое сквозное отверстие диаметром 1,4 см. Такие предметы известны по единичным этнографическим наблюдениям и материалам раскопок Надымского городка, где они составляют массовую категорию находок [25. С. 186–187, рис. 3.70–3.73]. Хотя мнения информантов из числа лесных ненцев расходятся в оценке назначения таких фигурок – бытовая игра или обрядовое священнодействие, но перевод названия не оставляет сомнения в их изначальном ритуальном предназначении [12. С. 163–164]. Перевод термина «тос-чер-вой» с хантый-

Таблица 2. Состав элементов животных из ритуального комплекса городища Бухта Находка

Кость/Вид	Песец	Олень	Заяц	Нерпа	Птица
Por – Corn		2			
Череп – Cranium	66		1		4
Нижняя челюсть –	40				
Mandibula					
Эпистрофей – Axis	1				
Шейные позвонки –	1			1	2
Vertebrae cervicales					
Грудные позвонки –				4	
Vertebrae thoracales					
Хвостовые позвонки –	14				
Vertebrae					
Ребра – Costae	5	1		2	
Лопатка – Scapula	3				1
Таз – Pelvis					1
Плечевая – Humerus	2	1			2
Локтевая – Ulna	7				1
Лучевая – Radius	7				1
Бедренная – Femur	5	3			
Большеберцовая – Tibia	6				
Малая берцовая – Fibula				1	
Коленная чашечка – Patella				1	
Метаподии – Metapodium	1		1	3	3
Плюсна – Metatarsus		1			
Пяточная – Calcaneus	1				
Таранная – Talus	1				
Запястье, предплюсна –	1	2		1	
Carpus, tarsus					
Фаланга 1 – Phalanges 1				2	
Задняя лапа			1		
(целая с шерстью)					
Передняя лапа	1				
взрослая (целая)					
Скелет молодого песца	1				
Крыло					1
Bcero	163	10	3	15	16

ского языка дословно – «точного пророчества звери», где «чер» искаженное «чарты – щарты – чародей – шаман – прорицатель» [68. С. 285–286, 309–310]. Единичность находки такой фигурки в культурном слое памятника, вероятно, отражает важные культурные и религиозные различия у населения городища Бухта Находка и обитателей Надымского городка. Кроме того, о практике бытовой магии свидетельствуют разнообразные знаки – символы на берестяной посуде и деревянных изделиях (рис. 59 – 4, 6).

Аналогичные ритуальные остеологические комплексы (в частности, скопление из 30 целых песцовых черепов) обнаружены В. Н. Чернецовым в землянках XVI в. на мысе Хаэн-сале, которые связываются исследователем с доненецким населением Ямала (сихиртя). [80. С. 118–119, рис. 6]. Этот факт позволяет предполагать определенное религиозное единство древнего населения полуострова Ямал – сихиртя, которое к XVII–XVIII вв. было утрачено. В этнографии ненцев и северных хантов прямых аналогий, по крайней мере, домашним – семейно-родовым культам не прослеживается.

Рис. 60. Ритуальные и вотивные предметы. Костяные и деревянные модели топоров 1 – деревянная модель топора; 2–4 – костяные модели топоров

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стационарными раскопками оборонительно-жилой комплекс городища Бухта Находка изучен не более чем на четверть. В площади раскопа исследованы остатки шести жилых домов, два из которых полностью. В результате раскопок получена коллекция артефактов, включающая изделия из дерева, кости, металла, стекла общим числом 1,5 тыс. целых предметов или фрагментов. Собрана коллекция костных остатков животных – 6,5 тыс. экз. Кроме этого отобраны образцы древесины для определения возраста по дендрохронологическому методу.

Комплексное изучение этого памятника позволило не только получить коллекцию уникальных предметов и важных образцов. Анализ обнаруженных источников дает возможность воссоздать воссоздать многие стороны культуры, хозяйства и религии древнего коренного населения полуострова Ямал. Эти выводы в свою очередь помогают пролить свет на проблему, волнующую многих исследователей Севера XX века о существовании легендарного народа сихиртя. Что в ненецких легендах о сихиртя вымысел, а что правда? Был ли на самом деле такой народ и была ли некая древняя арктическая культура, и если да, то что она собой представляла? Куда ушли сихиртя – исчезли без следа или растворились в ненецком и хантыйском этносах?

Следует заметить, что и на сегодняшний день вопросов остается больше, чем ответов, и не только для Севера Западной Сибири. Объем комплексного изучения памятников древней культуры арктического населения российской Арктики настолько мал, что еще долгое время многие вопросы останутся без ответа, либо их комментарии не будут содержать убедительных аргументов. Настоящей работой мы вводим в общественный культурный и научный оборот первый комплекс подлинных источников об одном из памятников древней арктической культуры – народа, получившего название «сихиртя».

В качестве итога попытаемся составить некую обобщенную характеристику культуры населения городка в Бухте Находка.

Поселение представляло собой единый оборонительножилой комплекс, спроектированный как единое сооружение в одной архитектурной традиции. Возводился городок единовременно, судя по данным анализа древесины дендрохронологическим методом – в 1220 году. Поселение представляло собой комплекс из шести (возможно восьми?) жилых домов, сгруппированных в два ряда относительно центрального прохода, из которого вели проемы в каждый дом. По наружному периметру комплекса была возведена торфо-дерновая каркасно-стеновая конструкция. Кровля каждого дома и центральный проход имели перекрытие из жердей с гидроизоляцией из бересты и веток, прижатых дерном. Именно такое сооружение создавало общий наружный вид городка в форме холма – сопки, которые впоследствии и стали именовать «сопками сихиртя». Не случайно и выражение «уходить под землю». На наш взгляд, оно отражает реальный процесс входа в жилище, который практически у всех аборигенов севера Сибири и Камчатки осуществлялся сверху вниз через проем для дымоудаления, располагавшийся над очагом. То, что обычно воспринималось за вход в жилище через один из фасадов дома, не более чем вентиляционное отверстие, необходимое для обеспечения циркуляции воздуха.

На основании анализа археозоологических и археологических источников, привлекая этнографические данные, мы можем относительно достоверно охарактеризовать хозяйство древних обитателей городища Бухта Находка.

Основой их экономики была система присваивающего хозяйства, которую составляли охота и рыболовство. Промыслы узко специализированы: пищевая охота на северного оленя, пушная-товарная охота на песца, лов осетровых и сопутствующий промысел морского зверя (нерпы). Добыча северного оленя скорее всего была коллективной – общинным занятием, и возможно реализовывалась в виде загонной охоты в сетевые ловушки способом, известным у нганасан [55. С. 16-39, рис. 6-11]. Оленеводство в любой форме (товарно-пищевое, транспортное) полностью отсутствовало. В небольшом объеме существовало лишь транспортное собаководство. Также в небольшом числе использовались лыжи-голицы и лодки-однодревки наподобие обласа явно импортного происхождения. Основным способом передвижения, очевидно, являлся пеший, зимой - на лыжах.

Важной частью экономики жителей городка была меновая торговля. Основным предметом этой торговли служили шкурки песца. Охота на песца была семейным промыслом. Товарообмен, судя по численной доле импортных предметов в вещевом комплексе, можно охарактеризовать как интенсивный и относительно прибыльный, по крайней мере для периода XIII - начала XIV вв. В это время доля импортных предметов в вещевом комплексе аборигенов составляет около 30%. Возможно, кроме песца могли быть и другие предметы обмена, например осетровый клей или еще что-либо. Ряд признаков свидетельствует о непосредственной торговле, то есть жители городка напрямую общались с торговцами. Не исключено, что к тому времени в регионе уже сформировалась сеть торгово-промысловых зимовий, таких, например, как Надымский городок или Тазовская мастерская.

Религия жителей городка остается загадкой, но можно предполагать, что существовало общинное святилище, где поклонялись божествам, дарующим удачу в промысле дикого оленя. В каждом доме находилась семейно-родовая кумирня, божество которой имело антропоморфную персонификацию и покровительствовало семейным и индивидуальным промыслам, и в первую очередь добыче песца.

Одним из наиболее важных моментов, на наш взгляд, является заметное отличие архитектуры, вещевого комплекса и хозяйства населения городища Бухта Находка XIII – начала XIV веков от материалов исследования таких городков как Надымский, Полуйский (Обдорский) и Войкарский, функционировавших и в более позднее время, в XIII – XVIII веках, и традиционно связываемых с абори-

генным населением региона. Сопоставление результатов анализа материалов комплексного изучения городища с этнографическими данными позволяет однозначно соотнести жителей городища Бухта Находка с древним населением Ямала – сихиртя.

В настоящее время данное городище Бухта Находка – самое северное из известных в регионе стационарное, долговременное поселение с оборонительно-жилым комплексом, принадлежащее древнему аборигенному населению западносибирской Арктики. Изучение этого памятника имеет важнейшее значение для понимания особенностей формирования культуры позднейших аборигенных народов и вхождения территории нижней Оби в состав государства Московского, и позднее – России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Алексашенко, Н. А. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) / Н. А. Алексашенко // Уральский исторический вестник. № 8. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. С. 184–198.
- 2. Алексашенко, Н. А. Сон, падай, падай (трасологический метод в археолого-этнографических исследованиях: гребни) / Н. А. Алексашенко, Е. В. Перевалова // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск Омск, 2001. С. 177–181.
- 3. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / РАН, Ин-т археологии; науч. рук., отв. ред. Н. А. Макаров. Том 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. 365 с.
- 4. Бадер, О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья / О. Н. Бадер. М., 1964.
- 5. Брей, У. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- 6. Валиулина, С. И. Стеклянные бусы как источник по международным связям в VIII начале XIII вв. / С. И. Валиулина // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары : докл. междунар. научного симпозиума по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. Пушкинские горы. СПб. : Вести, 2000. С. 51—64.
- 7. Валиулина, С. И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища) / С. И. Валиулина. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. 280 с.
- 8. Визгалов, Г. П. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович. Екатеринбург Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
- 9. Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор / А. В. Головнев. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
- 10. Древняя Русь: город, замок, село / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 431 с.
- 11. Захаров, С. Д. Древнерусский город Белоозеро / С. Д. Захаров. М.: Индрик, 2004. 592 с.
- 12. Зенько-Немчинова, М. А. Сибирские лесные ненцы : историко-этнографические очерки / М. А. Зенько-Немчинова. Екатеринбург : Баско, 2006. 272 с.
- 13. Зуев, В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым / В. Зуев // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. ТИЭ. Новая серия. Т. 5. М. Л., 1947. 65 с.
- 14. Зыков, А. П. Древний Эмдер / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
- 15. Зыков, А. П. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского госуниверситета / А. П. Зыков [и др.]. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.
- 16. Зыков, А. П. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея / А. П. Зыков, Н. В. Федорова. Екатеринбург, 2001. 174 с.
- 17. Иванова, М. Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. / М. Г. Иванова. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 284 с.
- 18. Ивасько, Л. В. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) / Л. В. Ивасько, Т. В. Лобанова // Угры. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 69–71.
- 19. Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. Л. : изд-во АН СССР, 1961. 498 с.
- 20. Канивец, В. И. Канинская пещера / В. И. Канивец. М.: Наука, 1964.
- 21. Карачаров, К. Г. Река Аган и ее обитатели / К. Г. Карачаров, Е. В. Перевалова. Екатеринбург Нижневартовск : УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.
- 22. Кардаш, О. В. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) / О. В. Кардаш // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. С. 128–131.
- 23. Кардаш, О. В. Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Кардаш. Санкт-Петербург, 2006.
- 24. Кардаш, О. В. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году: отчет о НИР / О. В. Кардаш. Нефтеюганск, 2008.
- 25. Кардаш, О. В. Надымский городок в конце XVI первой трети XVIII вв. История и материальная культура / О. В. Кардаш. Екатеринбург Нефтеюганск : Магеллан, 2009. 360 с.
- 26. Кардаш, О. В. Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений XIV XVII вв.) / О. В. Кардаш // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 460–464.
- 27. Кардаш, О. В. Комплексное изучение Надымского городища в 2005 году: отчет о НИР. Том 1. Археологические исследования / О. В. Кардаш. Нефтеюганск, архив НПО «Северная археология», 2006.
- 28. Кардаш, О. В. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году : отчет о НИР / О. В. Кардаш. Нефтеюганск, архив НПО СА. № 177, 2008. 145 с.

- 29. Кардаш, О. В. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году: отчет о НИР / О. В. Кардаш. Нефтеюганск, архив ООО «НПО «Северная археология-1», д. 198науч., 2008.
- 30. Кардаш, О. В. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2008 году : отчет о НИР / О. В. Кардаш. Нефтеюганск, архив ООО «НПО «Северная археология-1», д. 209науч., 2009.
- 31. Кардаш, О. В. Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. / О. В. Кардаш // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: изд-во ТГУ, 2005. С. 17–20.
- 32. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. М. Л., 1966. (САИ; Вып. Е1-36).
- 33. Кирпичников, А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. / А. Н. Кирпичников. Л. : Наука, 1976. 135 с.
- 34. Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // МИА. М., 1959. № 65.
- 35. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982.
- 36. Кондратьева, О. А. «Язык» гребня. К вопросу о семиотическом статусе вещи / О. А. Кондратьева // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 80–88.
- 37. Косинская, Л. Л. Археологическая карта ЯНАО : препринт / Л. Л. Косинская, Н. В. Федорова. Екатеринбург : Уральское отделение РАН, 1994. 114 с.
- 38. Косинцев, П. А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники / П. А. Косинцев. Екатеринбург Салехард : изд-во Уральского университета, 2006. 272 с.
- 39. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. Том 2 / С. П. Крашенинников. С-Петербург: изд-во при Императорской академии наук, 1755. 351 с.
- 40. Крыласова, Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья / Н. Б. Крыласова. Пермь : ПГПУ, 2007. 352 с.
- 41. Курбатов, А. В. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» / А. В. Курбатов. Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010.С. 447–452.
- 42. Кызласов, И. Л. Аскизская культура Южной Сибири (X-XIV вв.) / И. Л. Кызласов. М.: Наука, 1983. 128 с.
- 43. Кызласов, И. Л. Пребывание древних хакасов в восточной Европе (конец X начало XIII вв.) / И. Л. Кызласов // Славяне и кочевой мир. Средние века раннее Новое время : сборник тезисов XVII конференции памяти В. Д. Королюка. М. : Институт славяноведения РАН, 1998. С. 72–74.
- 44. Лашук, Л. П. «Сиртя» древние обитатели Субарктики / Л. П. Лашук // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М. : Наука, 1968. С. 178–193.
- 45. Литвиненко, М. Н. Городище Ярте VI (технолого-трасологический анализ изделий из дерева) / М. Н. Литвиненко // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 202–206.
- 46. Лукина, Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа) / Н. В. Лукина. Томск : изд-во Томск. ун-та, 1985. 365 с.
- 47. Мартин, Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Ф. Р. Мартин. Екатеринбург Сургут: Уральский рабочий, 2004. 144 с.
- 48. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1980. 1147 с.
- 49. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик; пер. с хантыйского, мансийского, ненецкого языков. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
- 50. Млекопитающие Советского Союза / под ред. В. Г. Гептнера, Н. П. Наумова. М., 1976. Т. 2, 3.
- 51. Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова ; ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; ин-т археологии и этнографии СО РАН. М. : Наука, 2005. 805 с.
- 52. Нахлик, А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа / А. Нахлик. МИА № 123. М., 1963.
- 53. Новгородская І летопись старшего и младшего изводов. М. Л., 1950.
- 54. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб, 1910.
- 55. Попов, А. А. Нганасаны: материальная культура / А. А. Попов. М. Л., 1948. 122 с. с ил.
- 56. Руденко, К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII XIV вв. / К. А. Руденко. Казань : Репер, 2000. 156 с.
- 57. Руденко, К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X XIV вв. по археологическим данным : автореф. дис. . . . докт. ист. наук / К. А. Руденко Казань, 2004. 47 с.
- 58. Рябинин, Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991) / Е. А. Рябинин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 259 с.
- 59. Савельева, Э. А. Вымские могильники XI-XIV вв. / Э. А. Савельева. Л.: Наука, 1987. 200 с.
- 60. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X XV) / М. В. Седова. М.: Наука, 1981. 196 с.
- 61. Седов, В. В. Изборск в раннем средневековье / В. В. Седов. М.: Наука, 2007. 413 с.
- 62. Соколова, З. П. Страна Югория / З. П. Соколова. М.: Мысль, 1976. 120 с.
- 63. Спицын, А. А. Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова / А. А. Спицын // МАР № 29. СПб., 1903.

- 64. Спицын, А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского / А. А. Спицын // МАР № 20. СПб., 1896.
- 65. Стоколос, В. С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке / В. С. Стоколос // Древности Ямала. Вып. І. Екатеринбург Салехард: УрО РАН, 2000. С. 6–24.
- 66. Судаков, В. В. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье / В. В. Судаков, В. М. Буланкин // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 269–280.
- 67. Талигина, Н. М. Описание похоронного обряда сынских хантов / Н. М. Талигина // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 2. Под ред. Н. В. Лукиной. Томск: изд-во Томского ун-та, 1995. С. 130–140.
- 68. Терешкин, Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терешкин. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1981. 544 с.
- 69. Федорова, Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси / Е. Г. Федорова. СПб. : РАН МАЭ. 1994. 286 с.
- 70. Федорова, Н. В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003 2005 гг. / Н. В. Федорова // Научный вестник. Вып. \mathbb{N}^{0} 4 (41). Салехард : изд-во «Красный Север». 2006. С. 11–17.
- 71. Федорова, Н. В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций : история взаимодействия на торговых путях / Н. В. Федорова // Археология, этнография и антропология Евразии № 4 (12) . Новосибирск, 2002. С. 91–101.
- 72. Федорова, Н. В. Золотоордынская торевтика в Приобье / Н. В. Федорова // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск : Удмурт. ин-т истории языка, литературы, 1991. С. 193–204.
- 73. Федорова, Н. В. Каслание длиной в две тысячи лет: человек и олень на севере Западной Сибири / Н. В. Федорова // Уральский исторический вестник № 14. Материалы к II Международному Северному археологическому конгрессу. Специальный выпуск. Екатеринбург, 2006. С. 149–156.
- 74. Федорова, Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя / Н. В. Федорова // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург Салехард, 2000. С. 54–66.
- 75. Харузин, Н. Н. Русские лопари (Очерк прошлого и современного быта) / Н. Н. Харузин. Москва, 1890.
- 76. Хомич, Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев / Л. В. Хомич. Л., 1976. 189 с.
- 77. Хомич, Л. В. Ненецкие предания о сихиртя / Л. В. Хомич // Фольклор и этнография. Ленинград : изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1970. С. 58–69
- 78. Хузин, Ф. Ш. Славяно-русские материалы в Биляре / Ф. Ш. Хузин, С. И. Валиулина // Волжская Булгария и Русь. Казань : ИЯЛИ, 1986. С. 97–116.
- 79. Чемякин, Ю. П. Древняя история Сургутского Приобья / Ю. П. Чемякин, К. Г. Карачаров // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е издание, исправленное и дополненное. Екатеринбург : Тезис, 2002. С. 5–65.
- 80. Чернецов, В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал / В. Н. Чернецов // СЭ. № 4–5. 1935. С. 109-133.
- 81. Чернецов, В. Н. Зеленая горка близ Салехарда / В. Н. Чернецов // КСИА. Вып. ХХУ. М.: Наука, 1949. С. 68–74.
- 82. Чернецов, В. Н. Исчезнувшее искусство (Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) / В. Н. Чернецов // Советская этнография. М., 1964. № 3. С. 53–64.
- 83. Чернецов, В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры / В. Н. Чернецов // МИА. № 58. М. : изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.
- 84. Чернецов, В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35. М.: изд-во АН СССР, 1953. С. 221–241.
- 85. Чернов, Г. А. Хэйбидя-пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре / Г. А. Чернов. СА, т. XXIII, 1955.
- 86. Шиятов, С. Г. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников их археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал / С. Г. Шиятов, Р. М. Хантемиров // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург Салехард : УрО РАН, 2000. С. 112–120.
- 87. Щапова, Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода / Ю. Л. Щапова // МИА. № 55. 1956. С. 164–179.
- 88. Ярыш, В. И. Об одном необычном украшении на бересте / В. И. Ярыш // Новгородская земля Урал Западная Сибирь. Вып. 8. Часть 1. Екатеринбург : изд-во «Банк культурной информации», 2009. С. 192–203.
- 89. Ясински, М. Э. Пустозерск. Русский город в Арктике / М. Э. Ясински, О. В. Овсянников. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 400 с.
- 90. À Madagascar. Photographies de Jacques Faublée, 1938–1941 / Sous la direction de Majan Garlinski et Eve Hopkins. Genéve: Infolio, Musée d'ethnographie, 2010. 96 p.
- 91. Kracheninnikow M. Histoire du Kamtchatka. Tom II. Voyage en Siberie, fait par ordre du roien 1761; Par M.l'Abbe Chappe d'Auteroche, de l'Academie royale des Sciences. Paris, 1768. 581 p.
- 92. Lehtisalo T. Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samojeden. Helsinki, 1924. 114 p.
- 93. Сокровища из Объединенных Арабских Эмиратов // Достояние поколений № 1 (8). М., 2010. С. 94–97.

SUMMARY

Not more than one fourth of the defensive and residential complex in the Nakhodka Bight Hillfort had been studied with stationary excavation. Within the digging area there were explored remains of six dwellings and just two of them were researched entirely. The collection, obtained on the back of the excavation, works out 1,5 thousand whole and fragmented artifacts made of wood, bone, metal, glass. A collection of animal osteal remains numbers 6,5 thousand items. Moreover, pieces of wood were sampled for tree-ring dating.

The complex study of this site has not only produced the collection of unique objects and significant samples. The analysis of discovered data enables to reconstruct many aspects of culture, economy and religion of the ancient indigenous population of the Yamal Peninsula. Consequently, these conclusions throw light on the matters of legendary Sikhirtya people, which commove many researches of the North in XX century. Where are fiction and verity in legends about the Sikhirtya? Did this people ever exist? Was there ever an ancient Arctic culture and what did it pose if it was? Where did the Sikhirtya go: did they disappear into thin air or blend into Nenets and Khanty ethnics?

It is worthy of note, that at the present moment there are more queries than answers, and it is so not only in North-West Siberia. Lack of complex researches on sites of ancient population of the Russian Arctic leaves a lot of questions unanswered and assumptions unreasoned. The present work introduces to the social, cultural and scientific use the first body of authentic sources on one of sites left by the Arctic ancient ethnos of the so-called Sikhirtya.

Taking stock, we pose a general characteristic of the culture of the Nakhodka Bight population. The settlement represents an integrated defensive and living construction, designed as a unitary structure of one architecture tradition. The hillfort was erected simultaneously in 1220 according to results of tree-dating. The settlement consisted of six (or probably eight) dwellings, grouped together into two ranges stretched by a central corridor, which had entrances to every house. Along the outer perimeter the complex was surrounded with a turfy frame-pillar wall. All the dwellings and the central corridor had covering of sticks with waterproofing layer of birch bark and moss. It was construction that formed the mould-like appearance of the hillfort. Later such constructions must had got the name of Sikhirtya hills. Besides, the phrase "coming belowground" seems to be assignable. On our viewpoint, it directly shows the way of entering to a dwelling: down through the smoke escape hatch, located above the hearth. Almost all aborigines of the Siberian North and Kamchatka enter their houses in this manner. Entrance, that was usually realized as an adit in one of facades, seems to be just a ventilative aperture.

Analysis of archaeozoological and archaeological sources and ethnographical materials enables to give relatively valid

depiction for economy of ancient inhabitants of the Nakhodka Bight hillfort. They employed forage subsistence strategy, based on hunting and fishing. Occupations were highly dedicated: they included nutritive Reindeer hunting, polar fox trapping for fur trading, sturgeon fishing accompanied with ringed sealing. Reindeer hunting must had been a communal occupation; probably, they practiced enclosing hunting with cannon nets, that is now used by the Nganasans [Попов, 1948. P. 16-39. Fig.6-11?]. Deer breeding in any form (trading, nutritive, transport) didn't exist at all. On a small scale there was sledge-dog breeding in practice. Skies (Golitsa, skies without fur underlay, protecting from sliding backward) and imported dugout boats were in limited use as well. The major way of locomotion was apparently pedestrian or in winter by skies.

Barter was an important part of economy for hillfort residents. The basic good was polar fox fur. Trapping was a family occupation. As judged by the quantity of imported artifact, goods exchange performed intensive and comparatively profitable relations, at least for the period of the XIII – the early XIV centuries. At this time imported goods accounts for about 30% of the collection. It is possible, that the hillfort aborigines offered other products complementary to polar fox furs: for example, sturgeon glue or something else. Judging by some marks, residents of the hillfort communicated with merchants immediately. It is not impossible, that by that time a net of trading and hunting wintering, such as Nadymsky Hillfort or Tazovskaya work shop, were formed through the region.

Religion of the hillfort inhabitants remains a mystery; we can do no more than mention, that there probably existed a communal sanctuary devoted to deities giving luck in deer hunting. There also was a family sacrarium in each home with a deity of anthropomorphous personification. The deity patronized family and individual occupation, and polar fox for the first instance.

Among the most important findings we should note visible differences in architecture, body of artifacts and economy of the Nakhodka Bight population from the XIII- early XIV centuries and such sites as Nadymsky, Poluisky (Obdorsky) and Voikarsky hillforts, which functioned later (the XIII-XVIII centuries) and traditionally associated with indigenous population of the region. Comparison of the hillfort complex research results and ethnological data provides opportunity to clearly correlate inhabitants of the hillfort with the Sichirtya, Yamal ancient population. Presently, among other sites of the region the Nakhodka Bight Hillfort is considered to be the northmost stationary long-term settlement with a defensive and living complex, left by ancient native population of the West Siberian Arctic. Investigation of this site is essential to understand culture genesis of following indigenous peoples and annexion of the Low Ob area to Muscovy and later to Russia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ7
1. ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДКА В БУХТЕ НАХОДКА11
2. АРХИТЕКТУРА ГОРОДКА СИХИРТЯ16
3. ПРОМЫСЛОВЫЕ И БЫТОВЫЕ ОРУДИЯ, ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА22
3.1. Элементы костюма
3.2. Предметы промыслов и орудия
3.3. Предметы вооружения
3.4. Предметы быта и домашнего обихода29
3.5. Средства передвижения
4. ТОРГОВЛЯ ЖИТЕЛЕЙ БУХТА НАХОДКА38
5. ХОЗЯЙСТВО СИХИРТЯ42
6. РЕЛИГИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДКА46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ50
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ52
SUMMARY55
CONTENTS56

LIST OF CONTENTS

PREFACE	7
1. RESERCH OF THE HILLFORT IN THE NAKHODKA BIGHT	.11
2. ARCHITECTURE OF THE SIKHIRTYA HILLFORT	.16
3. HUNTING AND HOUSEHOLD TOOLS AND ARTICLES OF DAILY USE	.22
3.1. Clothing	.22
3.2. Hair picks	.27
3.3. Hunting tools and instruments	.28
3.4. Means of locomotion	.29
3.5. Household articles	.35
4. TRADING OF THE NAKHODKA BIGHT INHABITANTS	.38
5. ECONOMY OF THE SIKHIRTYA	.42
6. RELIGION OF THE HILLFORT RESIDENTS	.46
CONCLUSION	.50
LIST OF SOURCES AND LITERATURE	.52
SUMMARY	.55

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Создан в 2010 году с целью объединения региональных коммерческих научно-производственных организаций для развития и совершенствования гуманитарной научно-исследовательской деятельности в сфере изучения, сохранения и популяризации культурного и природного наследия Севера России.

Юридический адрес: 628300, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск, ул. Мира, пром. зона Пионерная, стр. 8/1

Почтовый адрес: XMAO-Югра, г. Нефтеюганск 5, а/я 398. тел. +7 (3463)-23-49-56, 25-13-93, +7-922-43-60-089. e-mail: archeonord@yandex.ru archeonord-buch@yandex.ru Директор Кардаш Олег Викторович

учредители:

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

Юридический адрес: 628305, Российская Федерация, Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск, промышленная зона Пионерная, ул. Сургутская, строение 18 Почтовый адрес: 628305, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ, г. Нефтеюганск-5, а/я 398, тел. +7 (3463) 250-273, +7 (3463) 296-386, 296-886, факс +7 (3463)294-623, e-mail: chistory@mail.ru; nv-chistory@rambler.ru Директор Визгалов Георгий Петрович

МАУ СУРГУТСКОГО РАЙОНА «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «БАРСОВА ГОРА»

Юридический адрес: 628400, XMAO-Югра, Тюменская область, г. Сургут, Энергетиков, 22

Почтовый адрес: 628405, XMAO-Югра, Тюменская область, г. Сургут, ОПС-5, а/я № 243, тел. +7 (3462) 77-43-25, +7 (3462) 77-43-24, +7 (3462) 77-43-26, e-mail: Barsova-gora-09@yandex.ru

Директор Бочкарев Дмитрий Викторович

ООО «ГИПЕРБОРЕЯ»

Юридический адрес: 628405, ХМАО-Югра, г. Сургут, пр. Пролетарский, 10/1 **Почтовый адрес:** 628405, а/я 240 ОСП 5, г. Сургут. Тел. +7 (3462) 25-52-91, +7(3462) 25-52-80, e-mail: Giperboreja-05@rambler.ru **Директор** Шатунов Николай Владимирович

ООО «НАЦ «АВ КОМ - НАСЛЕДИЕ»

Юридический адрес: 620014, г. Екатеринбург, ул. Радищева, 8 Почтовый адрес: 620028, г. Екатеринбург, ул. Токарей, 24. офис 9-22. тел/факс +7 (343) 373 4172, 89221190247, e-mail:avcom@etel.ru Генеральный директор Вайсман Григорий Залманович

